

*Я **никогда**
не позволю ей уйти*

* [VK.COM/KN_BOOKS](https://vk.com/kn_books) *

ПРИВЯЗАННОСТЬ

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРОВ ПО ВЕРСИИ NEW YORK TIMES

АЛЕКСА РАЙЛИ

ПРИВЯЗАННОСТЬ

Книга: Привязанность

Автор: Алекса Райли

Жанр: Современный любовный роман, Эротика

Рейтинг: 18+

Серия: Вне серии

Главы: Пролог + 15 глав + 2 эпилога

Переводчик: Ленуся Л.

Редакторы: Анна Л. и Анна Б.

Вычитка и оформление: Натали И.

Обложка: Таня П.

ВНИМАНИЕ! Копирование без разрешения, а также указания группы и переводчиков запрещено!

Специально для группы: K.N ★ Переводы книг
(https://vk.com/kn_books)

Аннотация

В жизни Авроры Адамс все упорядочено. Она должна есть определенную еду, носить определенную одежду и делать только то, что позволяет мать... все ради танцевальной карьеры. Жизнь одинока и холодна, но у нее нет выбора. Когда мать решает отправить ее на год учиться, это просто очередной удар по ее хрупкому сердцу.

У Ноа Хилла нет страсти в жизни. Но один взгляд на Аврору, и его мир вспыхивает. С того момента, как видит ее на сцене, он знает, что она станет его. И когда ее мать становится на пути, у него нет другого выбора.

Появится ли у Авроры шанс вырваться на свободу, или она просто сменит одну клетку на другую? Когда одержимость становится привязанностью, возможно, истина не так важна.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ! Он — миллиардер и собирается похитить балерину, которую увидел на сцене. Что может быть еще чудеснее?! Приготовьтесь, мы кое-что припасли для вас!

ВНИМАНИЕ!

Копирование и размещение перевода без разрешения администрации группы, ссылки на группу и переводчиков запрещено!

Данная книга предназначена только для предварительного ознакомления! Просим вас удалить этот файл с жесткого диска после прочтения. Спасибо.

Пролог

Ноа

Я никогда не был поклонником искусства. Музеи, спектакли, оперы... все это звучит так утомительно. Но иногда они являются необходимым злом. Особенно в моей работе. Клиент и его жена приехали в город для совершения сделки, и она попросила билеты на балет.

Балет. Может ли это быть еще более претенциозно? Я едва не закатил глаза, когда согласился пойти с ними. Но она не приняла бы «нет» в качестве ответа, имея такие хорошие билеты. Мне стоило подумать об этом прежде, чем бронировать ложу. В следующий раз я просто куплю два билета.

Сегодня у меня нет выбора, и я выпиваю еще одну порцию скотча в лимузине, пока мы подъезжаем к театру. По крайней мере, если я собираюсь быть здесь, мне нужно выпить.

Нас сопровождают до ложи, и пара садится спереди, улыбаясь друг другу. Я сажусь позади, рядом с занавесом, надеясь, что они не заметят, если я усну во время спектакля.

Мы заказываем напитки, и я сую официанту сотню, сказав ему принести мне двойную порцию скотча и следить, чтобы стакан был всегда полон.

К тому времени, как поднимается занавес, у меня заканчивается любезность, и я благодарен за темноту. Откидываюсь в кресле и молюсь, чтобы все закончилось быстро. Возможно, я застану конец игры «Метс», если улизну после антракта. (*Примеч.: New York Mets — профессиональный бейсбольный клуб, выступающий в Восточном дивизионе Национальной Главной лиги бейсбола*).

Когда в темноте начинает играть музыка, на сцене появляется мягкое синее свечение. Одинокая балерина с распущенными волосами стоит спиной к зрителям. Мне это кажется странным, потому что обычно у них на голове тугие пучки, а у этой — длинные темные волосы спадают волнами.

Балерина медленно поднимает руки над головой. Музыка становится грубой, почти пугающей, так как играют только струнные. Синее сияние заполняет сцену, и вокруг балерины появляются танцоры. Мерцающие огни сияют на длинных ногах, когда она поднимает одну ногу над головой и держит ее там.

Она поворачивается, но опускает подбородок, так что я не могу видеть ее глаз. Когда она широко разводит руки, свет становится ярче, и музыка звучит громче. Балерина приподнимает подбородок, и в это мгновение, клянусь, она смотрит прямо на меня. Взгляд ее пронзительных голубых глаз устремляется прямо на меня, и она замирает. Это происходит так быстро, не знаю, заметил ли кто, но это случилось.

Вступают барабаны, и танцоры со всех сторон устремляются к ней. Музыка нарастает, свет сияет, и красивая брюнетка теряется в толпе.

Я так сильно сжимаю стакан в руке, что он трескается и рассыпается. Рассеяно смотрю на беспорядок, который устроил. Мой клиент и его жена оглядываются на меня, но я хватаю салфетку, оборачиваю ею руку и тихо говорю, чтобы они продолжали наслаждаться шоу. Извиняюсь и выхожу.

На моей ладони большой порез, на который, вероятно, необходимо накладывать швы. Я туго завязываю салфетку и пробираюсь по задней лестнице к выходу.

Несколько охранников пытаются остановить меня, но как только я показываю им травмированную руку, пропускают. Вскоре я оказываюсь за кулисами и отхожу в тень. С того места, где стою, я могу наблюдать, как танцоры входят и выходят со сцены.

Мне не нужно много времени, чтобы найти ее в толпе.

Следующие два часа я смотрю на нее, пытаюсь уберечь руку. Но ближе к концу спектакля салфетка вокруг моей руки полностью пропиталась кровью, и я чувствую головокружение.

Я отправляю сообщение своему водителю и встречаюсь с ним возле заднего выхода, а затем приказываю отвезти меня в отделение скорой помощи. Несмотря на разочарование от того, что не увижу ее ближе, мне нужно позаботиться о руке.

Кроме того, уверен, что мы еще встретимся. Когда уходил, я захватил программку, так что у меня есть ее имя.

Некоторые люди говорили мне, что я одержимая личность. Если я хочу что-то, то не останавливаюсь ни перед чем, пока не заполучу это; что, когда что-то привлекает меня, я неадекватен.

Я улыбаюсь, когда смотрю, как хирургическая игла с ниткой проходят сквозь мою кожу, и думаю, что все неправы. Один взгляд на Аврору Адамс, и я за гранью одержимости.

Но мне нравится думать об этом, как о привязанности.

Первая глава

Аврора

Может ли человек что-то любить и одновременно ненавидеть? Как что-то может приносить огромное количество страданий, но мысль не иметь этого, невыносима?

Я спускаюсь по лестнице родительского дома, у меня на уме только одно место. Но, как и всегда, остановившись у холодильника, я вижу, что навесной замок надежно закреплен.

Идеальная кухня моей матери выглядит странно: большие замки, прибитые к шкафчикам, и цепь, удерживающая дверь холодильника закрытой. Она опломбирована, чтобы никто не мог открыть. Никто, кроме нее. Даже не знаю, чего она боится. Не похоже, что она хранит там много чего. Ничего, что стоило бы желать.

Тем не менее, боль в животе напоминает, что я голодна. Мне кажется, что я могу съесть все, до чего смогу добраться. Дергаю замок, но безуспешно. Чувствую комок в горле, и подавляю его. Это не ново. Я должна уже привыкнуть. Выпускаю из рук холодный замок, и металл ударяется о нержавеющую сталь холодильника. Я съеживаюсь, молясь, чтобы звук не разбудил маму.

Секунду жду, затаив дыхание, но ничего не слышу. Вздохнув с облегчением, направляюсь к задней двери, выскользнув на прохладный ночной воздух. От росы на траве ступни становятся влажными.

Останавливаюсь и смотрю на небольшое здание, которое когда-то казалось мне *всем* — место, которое построила моя мать, потому что она, наконец, полюбила меня. Она увидела во мне то, что первый раз в жизни стоило любить. То, что вызывало гордость за меня. По крайней мере, на какое-то время.

Иногда я не могу выбраться из этого места. А в другое время крадусь туда, чтобы побыть в одиночестве.

Открываю стеклянные двери и вхожу. Сажусь на холодные деревянные полы танцевальной студии и растягиваюсь, пытаюсь расслабить мышцы. Они болят от переутомления, и мне действительно нужен сон. Но мой разум не позволит мне заснуть. Боль в мышцах и голод от пропущенного ужина сказываются на мне.

Знаю, единственное, что даст мне покой — танец. Это единственное, что заставляет все остальное исчезнуть. Танец для себя, когда не думаешь о завтрашнем выступлении. Только тогда я чувствую себя наиболее свободной. Никто здесь не кричит на меня и не говорит, что я делаю что-то неправильно; что мои ноги не прямые, или я недостаточно стараюсь.

Когда я танцую для себя, меня ничто не волнует. Я чувствую музыку и позволяю ей унести меня. Попадаю в мир, где на меня не давят, чтобы я была той, кем я не хочу быть; той, кто не оправдывает завышенные ожидания, не зависимо от того, как сильно я стараюсь или как упорно работаю. Для нее этого всегда будет мало.

Но пока что мне достаточно и этих крошечных украденных моментов.

И это все, что имеет значение. Пока она не проснется.

Вторая глава

Аврора

Я ухожу со сцены и вхожу в большую гримерную. У меня небольшая партия в большой постановке в Нью-Йорке, и мне очень нравится труппа. Но моя мать постоянно разговаривает с хореографами и режиссерами, чтобы мне дали больше времени в свете софитов. Она контролирует каждую часть моего танца и, хотя это меня раздражает, именно это сделало меня открытием балета. Это не особо приятно, потому что я здесь благодаря ей, но пока смогу выходить на сцену, буду считать это победой.

Когда подхожу к маленькому столику, за которым наношу макияж, удивляюсь, увидев большую вазу цветов. Моя мать, как правило, дарит мне букет после каждого спектакля, но она устраивает из этого целое представление, чтобы видели другие. Не тогда, когда я одна.

Я вижу свое имя на карточке и протягиваю руку, чтобы взять ее. Но до того, как касаюсь ее пальцами, цветы и карточка ускользают.

— Я позабочусь об этом, — отрезает мама и выходит с цветами из гримерной. Я открываю рот, чтобы возразить, но в комнату входит труппа, и помещение наполняется шумом и смехом.

Это финальное выступление сезона, и многие танцоры отправляются на гастроли, но меня отстранили.

Моя мать думает, что мне нужно больше репетировать вдали от дома и отвлекающих факторов. Еще с того дня, как я только начала ходить, она говорила мне, что я никогда не буду исполнять главную партию, если не стану танцевать всерьез, что нужно полностью сосредоточить внимание на танцах.

Она записала меня на год в частную танцевальную школу в Германии. Там не будет доступа к интернету, мобильному телефону, посетителям — ничего. Не то чтобы у меня были друзья, с которыми можно поговорить, но было бы здорово иметь интернет. Мама сказала, что я могу писать ей письма, если захочу, но предпочла бы, чтобы я сосредоточилась на танцах.

У меня будет персональный инструктор по танцам, который будет держать меня на строгой диете, и я буду танцевать утром, днем и вечером, пока не стану абсолютно совершенной. Все деньги, отложенные на обучение в колледже, были потрачены на оплату этой школы, так что у меня не было выбора.

Я спорила с ней, но без результата. Руководство танцевальной школы не будет производить возврат и, если я откажусь ехать, мать меня выгонит из дому. Некоторое время я обдумывала варианты. Но без единого цента на счету и без опыта работы, возможностей было мало. Мне никогда не разрешали подрабатывать, так что у меня не было собственных денег. Стыдно не иметь ничего своего, но когда в твоей жизни регламентирована даже еда, которую ты ешь, ты вроде как привыкаешь к этому.

Когда я согласилась ехать в Германию (мы обе знали, что я это сделаю), то начала мечтать о месте, где смогла бы найти себя. Даже если оно будет небольшим, главное — вдали от контроля моей матери. Что-то, было бы лучше, чем ничего. Только об этом я думала.

— От кого они? — спрашиваю я, когда мама входит в гримерную без цветов.

— Они были не тебе, — цедит она мне, и далее, улыбаясь другим танцорам, щебечет, какую замечательную работу они проделали сегодня вечером, при этом, не говоря, как хорошо справилась я.

— Я видела на карточке свое имя, — я хмурю брови, уверенная, что видела свое имя на маленьком конверте.

— Ты ошиблась, Аврора, — ее взгляд холоден, и это ее окончательные слова.

Я достаю свою сумку из шкафчика и начинаю собираться. Это было последнее выступление, и необходимо забрать все свои вещи. Рано утром я улетаю в Германию. Нет смысла откладывать неизбежное.

— Мы будем скучать по тебе, — говорит одна танцовщица первой линии, подходит и обнимает меня. Это тепло и искренне, но даже сейчас я не могу вспомнить ее имя. — Обидно, что ты не можешь поехать с нами. Может быть, в следующем году, когда ты вернешься?

Я улыбаюсь и киваю. Должно быть, мать рассказала всем о моих планах. Год — смертельный приговор для большинства танцоров. Эта карьера для молодых и сильных. Но пропустить год, чтобы отточить мастерство и вернуться на вершину, это шанс, который не упустил бы любой человек в этой труппе.

Несколько танцоров машут на прощание, когда я выхожу, и мама идет следом. Она очень хочет увести меня отсюда. Думаю, она боится, что я договорюсь списываться с другими танцорами, пока буду в отъезде. Она не хочет никаких отвлечений, и изоляция — ее ключ к этому.

Я и так привыкла быть одной, поэтому не понимаю, зачем еще больше изолировать меня, как общение может помешать обучению, но просто соглашаюсь с этим. Я надеюсь, что смогу купить несколько книг в аэропорту, спрятать их в сумке и привезти в Германию. Не знаю, почему это запрещено, но планирую читать тайком.

— Водитель будет ждать тебя завтра в шесть утра. Я уже упаковала твои вещи, — говорит мама, как только мы садимся в машину и направляемся домой.

— Ты не поедешь со мной в аэропорт? — спрашиваю я, удивленная, что она не будет провожать меня.

— Нет. Твой рейс слишком рано. Я попрощаюсь с тобой дома.

Эти холодные слова не должны жалить меня, но это происходит. Она целый год не увидит меня, но, похоже, не слишком озабочена этим. Я не должна удивляться. Я всегда была для нее больше аксессуаром, чем ребенком.

Смотрю в окно, наблюдая, как проносятся улицы Нью-Йорка и огни ресторанов, в которые мне никогда не разрешали ходить. Самый красивый город в мире, а я никогда его не видела.

Интересно, так ли ощущает себя птица в клетке?

Третья глава

Аврора

Я стою в прихожей, держа ручку своего единственного чемодана. Пространство вокруг холодное, как и всегда. Интересно, действительно ли это так или потому, что оно кажется недружелюбным мне?

Мама не позволила мне взять с собой многое. Не то чтобы у меня было много вещей. Она сказала, что я буду жить и дышать танцами, так что все, что мне действительно нужно — одежда для репетиций. Она сама собрала для меня чемодан и неодобрительно хмыкала каждый раз, когда я пыталась положить еще что-либо. Я надеялась взять с собой несколько книг, но для нее это не были предметы первой необходимости.

Единственное, что я любила в танцах — красивые платья и туфли для вечеринок. Мне не нравились сами мероприятия, потому что мама всегда держала меня рядом с собой, но я любила, что после них у меня оставались платья.

Иногда поздно ночью, когда убеждалась, что мама уснула, я надевала одно из них и ходила по своей комнате. Иногда даже представляла, что являюсь принцессой, ожидающей принца, который меня спасет. Это глупо и по-детски, но я не могла остановить себя от фантазий о жизни вдали отсюда.

Я поворачиваюсь, когда слышу шаги мамы. Думаю, по платьям я буду скучать больше, чем по ней. Эта мысль меня огорчает. Так не должно быть, но такова реальность. Я знаю, что моя мама злая, но думаю, в какой-то степени она должна любить меня. Может быть, даже будет немного скучать по мне? Или, может быть, это еще одни мои детские мысли и попытка выдать желаемое за действительное. Между нами холоднокровная дистанция, которая только возрастала по мере моего взросления. И иногда я задумываюсь, не связано ли это с тем, что с каждым годом я старею, а это минус один год для моей танцевальной карьеры. А танцы — единственное, что держит нас вместе.

— Собери волосы, — говорит она, раздраженно вздохнув.

Я делаю то, что она говорит — снимаю резинку с запястья и убираю волосы в хвостик. Я не понимаю, почему ей не нравятся мои волосы. Она даже обратилась к продюсерам с просьбой, чтобы в последнем спектакле мои волосы собрали в пучок, но они отказались, и маме пришлось согласиться. Она никогда с ними не спорит. Она фальшиво улыбается и соглашается с тем, что они правы.

Когда слышу гудок, понимаю, что приехала машина, которая отвезет меня в аэропорт. Меня охватывает разочарование, что моя собственная мать не заботится о том, чтобы отвезти меня. Я не увижу ее больше года. Не знаю, почему все еще жажду ее внимания, доброты и заботы. Я должна понимать, что она не даст мне этого. Но все же делаю шаг к ней, чтобы обнять на прощание.

— Только не облажайся, — жестокие слова заставляют меня остановиться. — Я хочу увидеть улучшения, когда ты вернешься. И избавься от этого детского подхода. Повзрослей, Аврора.

— Повзрослеть? — я слышу в своем голосе боль.

Я чувствовала себя взрослой всю свою жизнь. Мне никогда не позволяли делать то, что делали в школе другие дети. Я пропустила все: школьные вечеринки, футбольные игры, парней. Все, кроме танцев. Я всегда тренировалась, никогда не делала ничего другого. Большую часть своей жизни я чувствую себя старше своих лет.

— Да! Повзрослей! — рявкает она. — Я вынуждена держать замок на холодильнике, потому что у тебя нет никакого самоконтроля. Никакой дисциплины, — она качает головой. — Понять не могу, что я сделала не так.

Я опускаю голову, глядя на свои простые белые балетки.

— Ты просто будешь стоять тут или собираешь идти? С моей удачей, они передумают.

После ее слов я хватаю чемодан и, не поднимая головы, поворачиваюсь, чтобы уйти. Румянец стыда покрывает мои щеки, и я борюсь со слезами, которые готовы вот-вот пролиться. Открываю тяжелую железную дверь и ухожу, не оглядываясь на нее. Уверена, она уже ушла, но увидеть это будет последним ударом.

Я выхожу, поднимая взгляд и останавливаюсь, когда вижу черный лимузин, стоящий на нашей подъездной дорожке. Рядом с открытой дверью стоит женщина, ожидая меня. Я удивлена, что за мной отправили лимузин. Во мне поднимается волнение, и я отталкиваю грусть. Женщина в возрасте, ее седые волосы собраны в косу. Она улыбается мне широкой милой улыбкой, ее лицо светится. Мне она нравится.

— Мисс Адамс, — приветствует она и забирает чемодан у меня из рук, убирая его в багажник. — В жизни ты еще прекраснее.

Возможно, место, куда я еду, лучше, чем я представляла. На данный момент, это уже так, а я только встретила человека, который отвезет меня в аэропорт.

— Спасибо. Это очень мило с вашей стороны, — отвечаю я, усаживаясь на заднее сидение.

На улице все еще темно, а в лимузине еще темнее. Женщина закрывает дверь, и через секунду мои глаза приспособляются к темноте.

В горле застревает крик, и я подпрыгиваю, когда вижу мужчину в костюме, сидящего рядом со мной. Я прижимаю ладонь к груди и чувствую пытающееся вырваться из груди сердце.

— Простите, вы меня напугали, — говорю я, все еще держа руку на груди и стараясь успокоиться.

Он молча смотрит на меня.

Темные волосы и костюм помогают ему слиться с полумраком автомобиля, и поэтому я не заметила его с самого начала. Я смотрю ему в глаза, они такие же темные, как и все остальное. В нем все темное. Подбородок покрывает черная щетина, густые волосы спадают вокруг лица. Сидя рядом с ним, могу сказать, что он в два раза больше меня, и все в нем порождает волнение, которое я никогда раньше не ощущала.

Замки в лимузине щелкают, создавая зловещую атмосферу.

— Я Аврора, — говорю я, пытаюсь сломать напряжение, но он не реагирует. Он продолжает смотреть на меня, поэтому я нервничаю. — Но вы, наверное, уже знаете об этом, — я издаю нервный смешок.

Он протягивает руку, и я замираю, не понимая, что он делает. Чувствую, как лимузин начинает двигаться, и на секунду паникую. Конечно, водитель должен знать, что здесь находится мужчина. Должно быть, он здесь не просто так. Мужчина нежно сжимает мой хвостик и стягивает резинку, позволяя волосам рассыпаться по плечам.

Он пробегается пальцами сквозь длинные локоны, и на секунду я поддаюсь этому прикосновению, настолько непривыкшая к физическому контакту, что отчаянно нуждаюсь в нем. Даже от незнакомца. В последней постановке изменили несколько моих танцев, чтобы Сэм, мой партнер, больше не трогал меня. Ко мне так долго не прикасались. Я закрываю глаза, так как мне нравится это чувство, и издаю стон, наслаждаясь этим.

Мужчина убирает руку, и я понимаю, что только что произошло. Я только что стонала вслух. Смотрю на него и чувствую, как горят щеки. Хотела бы я лучше видеть его лицо, но в лимузине очень темно. Он достаточно крупный мужчина, может быть, телохранитель или кто-то из персонала. Но зачем ему распускать мои волосы?

Незнакомец наклоняется вперед и открывает отсек, предлагая мне выбрать. Внутри я вижу напитки. Бутылка «колы», шоколадное молоко и что-то похожее на смузи со взбитыми сливками сверху.

У меня в буквальном смысле текут слюни. О, Боже. Я никогда не пробовала ничего из этого. Я смотрю на все это, не зная, что выбрать. Насколько это глупо? Я начинаю тянуться к «коле», но передумываю и выбираю шоколадное молоко. Но потом снова останавливаюсь.

Я смотрю на таинственного мужчину, который все еще наблюдает за мной. Возможно, он не может говорить.

— Можно мне больше одного? — спрашиваю я, прикусывая изнутри щеку и чувствуя себя глупой. Возможно, мама права, и у меня нет никакого самоконтроля.

Наконец, его лицо преображается, и он улыбается, демонстрируя свои идеальные белые зубы и ямочку. Он кивает мне. Я беру шоколадное молоко и, обернув губы вокруг трубочки, начинаю пить. И опять издаю стон. Не знала, что оно может быть таким вкусным. Я смотрю на мужчину, снова чувствуя себя неловко. Я стону из-за напитка и замечаю, что его лицо становится хищным. Перестаю пить и немного отодвигаюсь от него. Не помню, что когда-либо вообще была наедине с мужчиной. В воздухе что-то изменилось. Я чувствую, как это бежит по моей коже, и инстинкты, которые должны были появиться, как только я села в машину, кажется, начинают просыпаться.

— Кто вы? — по какой-то причине слова с трудом срываются с моих губ. Они будто немеют, и я говорю совсем не так, как обычно.

Он наклоняется ближе ко мне, но я не могу сосредоточиться. Я пытаюсь отодвинуться, но тело не слушается. Мои руки и ноги ощущаются ватными, и я не могу заставить их двигаться. Мужчина забирает напиток у меня из рук и ставит его к остальным.

В этот раз он нежно улыбается и берет меня за руку. Я смотрю вниз, наблюдая, как своей большой ладонью он обхватывает мои изящные пальцы.

— Скоро, Звездочка, все прояснится, — слышу его слова, и мои глаза закрываются.

Четвертая глава

Аврора

Когда открываю глаза и резко сажусь, у меня кружится голова. Упираюсь ногами в изножье кровати и опускаю голову на руки, пытаюсь остановить вращение комнаты. Вокруг мягкий свет, и я чувствую, как прохладный бриз легонько шевелит волосы, и мне становится лучше.

Я не чувствую себя заболевшей, просто села слишком резко, и это проходит так же быстро, как и началось. Оглядываю комнату и вижу, что это большая спальня, размером почти с гостиную моего дома. С одной стороны расположена ванная комната, а с другой — открытые французские двери, ведущие во внутренний дворик.

Встаю и иду к открытым дверям. Ощущение холодного пола патио под ногами заставляет посмотреть вниз, и я вижу, что одета в ту же одежду, что и утром, но босиком. Джинсы и рубашка с V-образным вырезом не согревают, когда прохладный бриз долетает до меня. Осматриваясь, я вижу белый песок, который простирается настолько далеко, насколько могу видеть; темные волны бьются о небольшие скалы, разбросанные вдоль береговой линии. Высокая трава, окаймляющая песок, колыхается на ветру, а за ней ничего нет.

— Это не может быть Германия, — шепчу сама себе, пока в замешательстве осматриваю пейзаж.

— Ох, но это так и есть, — слышу глубокий голос позади себя и, когда поворачиваюсь, вижу мужчину из лимузина.

— Кто вы? Что случилось? Вы меня усыпили? Что происходит? — вопросы сыплются один за другим, и я прикусываю губу, чтобы удержать еще сотню таких же.

— Я думал, что это облегчит тебе дорогу, поскольку раньше ты не покидала Нью-Йорк.

Он стоит в дружелюбной позе, прислонившись к дверям спальни. Но все же я начеку. Сейчас на нем нет пиджака, верхняя пуговица серой рубашки расстегнута, руки небрежно покоятся в карманах, и он тоже босиком. Волосы отброшены назад, и темными глазами он осматривает меня так же, как и я его.

— Вы не ответили на другие мои вопросы, — я скрещиваю руки на груди, когда ветер становится холодней. Смотрю через плечо и понимаю, что солнце садится. Уже прошел целый день?

Он отталкивается от двери и идет в мою сторону. Я напрягаюсь, но он проходит мимо и закрывает французские двери. Холодный ветер исчезает, и я мгновенно чувствую себя лучше.

Чувствую, что он стоит позади меня, но не оборачиваюсь. Я молча стою на месте, надеясь получить ответы.

— Мы летели почти всю ночь (*Примеч.: автор имеет в виду ночь по местному, европейскому времени*), а потом, когда приземлились в Германии, взяли лодку и поплыли на этот остров. Мой остров. Ты хотела приехать сюда, не так ли?

Он все еще позади меня, и, клянусь, я чувствую его в нескольких сантиметрах от моего тела. Хочу повернуться и прижаться к нему. Что со мной не так?

— Да, я просто... это просто как-то странно, — говорю я.

Не знаю, как выразить это словами. При полете животные испытывают стресс, и им дают транквилизаторы. Может быть, так он и поступил со мной?

— Меня зовут Ноа, — говорит он, и я чувствую, как его дыхание ласкает кожу моей шеи.

Электрический разряд проходит сквозь меня, и я поворачиваюсь к нему лицом. Он невероятно высок, нависает надо мной, но не так близко, как я предполагала. Я могу протянуть руку, и все же не смогу дотронуться до него. Но почему-то мне казалось, что он всего в сантиметре от прикосновения ко мне. Мой разум играет со мной, а может, это остаточное действие наркотиков.

— Ты голодна. Давай, поужинаем, и я все тебе объясню.

Я слышу мягкий голос позади себя и поворачиваюсь, чтобы увидеть женщину-водителя лимузина. Она широко улыбается мне, пока говорит с Ноа по-немецки, а затем удаляется из комнаты.

— Это миссис Элина. Она управляет домом и будет следить за всеми твоими потребностями. Она присоединится к тебе после ужина, чтобы обсудить расписание.

Страх отступает, и в животе образуется узел. Я здесь, чтобы танцевать. Я здесь, чтобы учиться и быть дисциплинированной. Я должна слушать инструкторов и следовать указаниям. Каким-то образом я отвлеклась и забыла саму цель нахождения здесь. Теперь мне нужно сосредоточиться, чтобы Ноа посчитал меня достойной танцовщицей.

При мысли угодить Ноа, я снова ощущаю жар, что испытывала ранее. Опускаю подбородок, когда выхожу за ним из комнаты, и делаю все, чтобы эта мысль больше не посещала меня в его присутствии.

Стены сложены из больших серых камней, и дом выглядит как замок. Но пространство дополнено мягким светом и коврами, пушистыми и мягкими под моими босыми ногами. Дом старый, но ощущается современным и комфортным. Я даже ожидала, что по прибытию меня определят в камеру и будут давать миску с куриным бульоном два раза в день. Но пока что окна, открывающие вид на море, создают ощущение сказки.

Я чувствую, как Ноа берет мою руку, и возвращаюсь из мечтаний. Оказывается, я остановилась и уставилась в окно. Ноа улыбается мне.

— Для этого будет много времени позже. Столовая находится там.

Он ведет меня за руку вниз по винтовой каменной лестнице, через большую деревянную дверь. В какой-то момент я думаю, что Ноа отпустит мою руку, но он не делает этого, а продолжает большим пальцем ласкать мою кожу.

В столовой стоит длинный стол, который выглядит, будто сделан из коряг, выброшенных на берег морем. Рядом стоят большие удобные кресла, а во главе — диванчик для двоих.

Ноа проводит меня во главу стола и указывает, что я должна сесть на диванчик. У него высокая спинка, а сбоку лежит уютный плед. Прохожу мимо Ноа, и мне немного грустно, когда разъединяю наши руки, чтобы сесть. На короткое мгновение я надеюсь, что он сядет рядом со мной, но он наклоняется, берет плед, набрасывает его на мои колени и садится в кресло.

— Ты не взяла с собой теплой одежды, — замечает он, когда тянется к бокалу вина перед собой.

Я осматриваю стол и вижу, что у меня тоже стоит бокал с вином. Я никогда не пробовала вино, и хотя мне любопытно, я опасаясь. Ведь в напитке, предложенном им в последний раз, были наркотики.

— Я обещаю больше не давать тебе наркотиков. Это было только для того, чтобы доставить тебя сюда невредимой, — протянув руку, Ноа берет мой бокал, делает глоток и ставит его передо мной.

— Не я складывала свой чемодан, — поясняю я, беру бокал и отпиваю глоток.

Вкус вина отличается от того, что я ожидала. Девушки из танцевальной труппы жаловались, что вино кислое и горькое. Это же мягкое и теплое, и я чувствую, как оно опускается в мой пустой желудок. Вероятно, мне стоит притормозить, так как я не ела в течение длительного времени и никогда раньше не пила алкоголь. Как только у меня возникает эта мысль, появляются официанты и ставят передо мной корзинку свежего хлеба и тарелку сливочного супа.

Я вижу, как Ноа макает хлеб в свой суп, и следую его примеру. Не помню, когда в последний раз мне разрешали есть столько вкусной еды. Кажется, я съедаю все на одном дыхании и заканчиваю раньше, чем Ноа успевает съесть половину своей порции. Мне становится грустно, как и всегда, когда моя еда заканчивается. Однако Ноа кивает, и мою

пустую тарелку заменяют другой, наполненной жареной курицей, сосисками, высокой горкой картошки и другими овощами.

— Эм. Не думаю, что должна съесть все это, — говорю я, и мой рот наполняется слюной.

— Я привез тебя сюда, Аврора. Ты под моей защитой. Я ожидаю, что ты будешь съедать всю еду, которую тебе дают, и скажешь, если проголодаешься, а я не замечу этого.

Его суровый взгляд не оставляет места для споров — кто я такая, чтобы говорить ему «нет»? Я умираю с голоду, и мне никогда не давали такой еды.

— Пока ты моя, ты будешь делать то, что тебе говорят. Это включает в себя не только танцы, но и повседневные дела. Ты обязана будешь есть... — он делает паузу, когда убирают его суп и ставят второе блюдо, — ...отдыхать и спать в любой момент, когда я сочту нужным.

— Отдыхать и спать? Звучит как отпуск, — я улыбаюсь, пока работаю над тем, чтобы очистить тарелку от еды.

— У тебя когда-нибудь был отпуск? — спрашивает он, и я качаю головой.

— Нет. Но так я его себе представляю.

Я вижу намек на ямочку на его щеке, и это вызывает у меня улыбку. Мою вторую тарелку забирают, как только я все съедаю, и на ее месте появляется десерт. Теплое печенье и яблоко со сливками — так хочу это съесть, но знаю, что не должна. Мне не разрешено есть никакого сахара, а я по запаху могу сказать, что это запрещенный продукт.

— Ешь, — говорит Ноа и протягивает руку, чтобы заправить прядь волос мне за ухо. — Не стесняйся побаловать себя, Звездочка.

Тепло в животе растет, и я не знаю, от вина это, еды или желания. Одно его касание, и я не в себе. Как я могу контролировать себя с мужчиной, который имеет надо мной такую власть?

— А как же мои занятия? — спрашиваю я, удивляясь, почему он так снисходителен. Я ожидала тирана, а он дает мне десерт.

— У меня есть студия, и ты можешь танцевать, когда только пожелает сердце, — просто отвечает он и откидывается на спинку кресла.

Я ненавижу возникающее расстояние между нами, но это помогает держать голову ясной.

— Но я думала, что именно поэтому приехала сюда. Научиться быть лучшей танцовщицей в мире.

В его взгляде мелькает тень.

— У меня еще есть дела, и я должен заняться ими. Элина ответит на твои вопросы. Завтра мы обсудим твои танцы, и как ты хочешь обучаться.

Это скорее декларация, а не дискуссия, поэтому я перестаю задавать вопросы. Это только первый день, и я не хочу произвести плохое впечатление. Может быть, тут есть и другие преподаватели, с которыми я буду заниматься. Вместо того, чтобы заикливаться на этом, беру вилку и погружаю ее в десерт.

Это небеса на вилке, и я издаю стоны, пока ем. Мой живот полнее, чем когда-либо в моей жизни, и, сделав последний глоток вина, я не в силах держать открытыми глаза. В какой-то момент понимаю, что не просто сижу на уютном диванчике, а уже укутана в плед.

В следующий момент чувствую теплые и сильные руки Ноа, когда он несет меня. Я так устала, но мечтаю уткнуться ему в шею и целовать обнаженную кожу, пока он держит меня. Я не борюсь со сном и напоследок чувствую, как он прижимает свои губы к моим.

Пятая глава

Аврора

Я глубже зарываюсь головой в подушку, не помня, когда последний раз так хорошо спала. Даже не знаю, который сейчас час. Перевернувшись, чувствую, как глубокий насыщенный запах Ноа заполняет мои легкие, как будто он находился в моей постели. Сев, оглядываю комнату, но его тут нет.

Я вылезаю из постели и иду к окну, чтобы полюбоваться видом. Это место кажется нереальным. Тут все не так, как я себе представляла, и не уверена, что хочу этого. Последние двадцать четыре часа были раем, и я не хочу, чтобы что-то изменилось.

Слышу мягкий стук и поворачиваюсь, чтобы увидеть Элину, стоящую в дверях.

— Я уже начала волноваться. Ты спала более десяти часов.

— Мне жаль. Который час? — спрашиваю я, чувствуя себя виноватой. Я должна была встать рано и быть готовой к работе.

— Немного за полдень, — она делает шаг в комнату. — Я подумала, что ты захочешь чего-нибудь поесть.

На ее слова мой живот издает громкое урчание, вызывая у нас смех.

— Еда — это замечательно. Может быть, мне стоит привести себя в порядок, — я смотрю на свои голые ноги. Я все еще в своей рубашке, но уже не в джинсах.

— Твои вещи тут, — говорит Элина, подходя к двери и открывая ее. Я следую за ней и останавливаюсь, когда вижу, что там. Это гигантский шкаф. Шкаф — это даже неправильное слово, потому что размером он больше, чем моя старая спальня.

— Это не мои вещи, — говорю я, когда вхожу в помещение. Протянув руку, пробегаюсь пальцами по шелковому платью. Это самый глубокий синий цвет, который я когда-либо видела. Материал под моими пальцами такой мягкий.

— На сегодня это платье, возможно, слишком нарядное, но если тебе нравится... Это все твое, дорогая.

Я выпускаю ткань платья из пальцев.

— Как? — спрашиваю я в шоке. Осматриваю помещение, отмечая все. Одна стена полностью заполнена обувью. Комната заполнена всем, что могла бы захотеть девушка. Я чувствую, как глаза наполняются слезами. Мое самое любимое в танцах — это возможность наряжаться. Мне все нравится.

— Ну, ты не сможешь бегать в округе без одежды, не так ли? — на ее губах дразнящая улыбка, и я чувствую, как краснею от идеи бегать голой. — Или, возможно, можешь, — Элина качает головой, на ее губах все еще играет улыбка. — Как насчет этого?

Она снимает с вешалки белое платье и передает мне. Я стягиваю рубашку, надеваю платье и поворачиваюсь, чтобы посмотреть в зеркало.

Элина подходит сзади, застегивает молнию, и в груди становится туго, но комфортно. Обтягивающий лиф поддерживают тонкие лямки, расклешенная юбка доходит до середины бедра, материал приятный и красивый. Мама взбесилась бы, увидев меня в таком платье. Мне всегда приходилось надевать те, что полностью закрывали ноги.

— Оно идеально сидит, — одобритительно говорит Элина.

— Как будто сшито специально для меня, — отвечаю я, соглашаясь.

— Возможно, так и есть.

Я смотрю на нее в зеркало, и наши взгляды встречаются. Она такая милая. Я хочу, чтобы моя мама была хоть чуть-чуть похожа на Элину. Она подходит к дальней стене и подбирает пару сандалий. Они нежно-розового цвета с цветами сверху.

— Они будут хорошо смотреться с этим платьем, — она наклоняется, будто сама хочет надеть их на меня.

Я пытаюсь остановить ее.

— Ох, ты не обязана делать это, — настаиваю я, чувствуя себя неудобно.

— Я хочу, — говорит она, улыбаясь. Я нерешительно поднимаю одну ногу, позволяя ей обуть одну, а затем другую. — Я всегда хотела маленькую девочку, чтобы наряжать ее.

Я оборачиваюсь, чтобы снова посмотреть в зеркало, уже влюбленная в это платье и сандалии.

— Садись.

Я сажусь за туалетный столик, и Элина начинает расчесывать мои волосы.

— Почему он все это делает? Не понимаю, что происходит. Эта одежда стоит больше, чем мое обучение в этой частной школе танцев.

Элина не отвечает, достает ленту и завязывает ее на моих волосах.

— У тебя самые мягкие волосы, — она делает мне комплимент, меняя тему. — Теперь я могу накормить тебя и показать все вокруг, — Элина отходит назад, оглядывая меня. — Идеально. Заканчивай, а я встречу тебя на кухне. У тебя есть пожелания по поводу еды? Уже полдень, но если ты хочешь завтрак, мы сделаем.

— Я согласна на все, что легко приготовить.

Она закатывает глаза.

— Ну же. Как насчет французских тостов и бекона? — мой желудок урчит. — Думаю, это «да».

Прежде чем уйти, она наклоняется и целует меня в щеку. Я стою и чувствую, что нахожусь в какой-то дымке, не уверенная, что все это реально.

— Смирись с этим, — бормочу я себе, желая насладиться всем этим.

Быстро сделав необходимые дела в ванной, я практически бегу на кухню. Частично из-за того, что хочу есть, частично потому, что отчаянно желаю снова увидеть Ноа. Интересно, где он.

Разочарование накатывает на меня, когда я не нахожу его внизу. Элина смотрит на меня и улыбается, продолжая жарить бекон.

— Садись, — она указывает на стул, перед которым уже стоит тарелка с едой. Я сажусь и начинаю есть.

— Так где же Ноа? — стараюсь говорить как можно более непринужденно. Смотрю сквозь ресницы и вижу, что она снова улыбается.

— Думаю, он работает. Он всегда работает, — она делает паузу и снимает бекон с плиты. — Надеюсь, это скоро изменится.

Элина приносит мне тарелку, затем берет свой кофе и делает глоток.

— Почему это должно измениться? — спрашиваю я, желая узнать о нем как можно больше.

Вместо ответа она кивает на мою тарелку и побуждает меня приступить к еде.

— Когда ты закончишь есть, я покажу тебе все вокруг.

После этих слов я концентрируюсь на еде. Хочу скорее осмотреть замок. Возможно, во время осмотра я столкнусь с Ноа.

Шестая глава

Ноа

Главный дом и студию Авроры соединяет дорожка. С двух сторон студии установлены стеклянные двери, которые можно открыть и позволить гулять морскому бризу по помещению.

Вот так я и слышу музыку.

Я проводил в кабинете телефонную конференцию, когда услышал звуки из студии. То, что я построил ее в поле зрения своего кабинета, не случайно. Так же, как и Аврора, приехавшая сюда со мной.

Выхожу на балкон, пока мои собеседники по телефону продолжают говорить о цифрах и прибыли, и вижу, что стеклянные двери приоткрыты, и в студии есть движение.

— Значит, она нашла ее, — говорю сам себе.

Люди все еще что-то обсуждают по телефону, и я без слов прерываю звонок. Разберусь с ними позже. Как только отхожу от стола, появляется Элина.

— Она поздно начала день, но выглядит очень счастливой. До того, как я показала ей танцевальную студию, мы осмотрели дом и сады.

Она улыбается мне и сжимает руки на безупречном фартуке.

— И? — спрашиваю я, когда она ждет, что скажу ей продолжать.

— Ей очень понравилась комната отдыха. Не могу поверить, что ей не разрешали смотреть дома телевизор. А еще грот. Она была в восторге, что может плавать, когда погода холодная.

— Что она думает о студии? — я сомневаюсь насчет этого, опасаясь, что студия не соответствует ее стандартам.

— Она сказала, что я оставила самое лучшее на десерт.

Я чувствую, как в моей груди разрастается гордость от того, что могу дать Авроре то, что ей нравится. Она здесь под ложным предлогом, но до тех пор, пока она счастлива, цели оправдывают средства.

— Я собираюсь удалиться. Ужин под контролем кухонного персонала. Если я тебе понадобится, буду в восточном крыле, — говорит Элина, кланяясь, и покидает кабинет.

Я благодарю ее, а затем направляюсь к Авроре.

Я следую за басами и женским голосом, который поет, что она вляпалась в неприятности. Узнаю песню Эми Уайнхаус и улыбаюсь. Я загрузил в музыкальную систему случайную подборку музыки, не зная, под какую она любит танцевать в свободное время. Но после долгого расследования я выяснил, что свободного времени у нее не было. И что еще реже она танцевала под что-то, кроме классической музыки или предписанной режиссером для ее шоу.

Дверь открыта, я тихо захожу внутрь и сажусь в одно из гигантских кресел, стоящих в стороне. Немного отклоняюсь назад в высоком и удобном кресле, решив отдохнуть, пока наблюдаю за ней.

Устроившись, позволяю себе посмотреть на Аврору, концентрируясь на красоте передо мной.

Студия такая же большая, как и большинство обычных домов, но без каких-либо внутренних стен. У входа, расположена зона отдыха с ковровым покрытием, креслом и диваном. У дальней стены — дверь в ванную, сауну и парную.

Но основной акцент на сцене, которая занимает практически все пространство. Аврора могла пробежать из одного края в другой и запыхаться. Единственное, на чем я настаивал, когда проектировал студию, чтобы в ней не было зеркал. Это место не для того, чтобы Аврора стала совершенной. Оно для того, чтобы она чувствовала себя красивой и полной жизни. Место, где она может найти свою душу, а я могу наблюдать за ней.

Она движется в ритме — медленно, а затем быстро. Никогда раньше не видел, чтобы она так танцевала, а с того вечера, когда увидел ее впервые, я смотрел каждое ее выступление. В ее движениях нет отточенности, она просто чувствует музыку и двигается.

Сидя в кресле и наблюдая за ней, я чувствую, как мое тело наполняется теплом. Легкое белое платье позволяет мне видеть ее бедра. Подняв ногу высоко над головой, она резко наклоняется, показывая мне свои светло-розовые трусики.

Опустив руку, я поглаживаю напряженный член через ткань брюк, наблюдая, как она двигается, воображая, что она делает это на мне. Представляя, как она оборачивает свои длинные ноги вокруг моей талии, когда я вхожу в нее, скользя по влажным складочкам.

Аврора поднимает руки над головой, и ее грудь выглядывает над верхней частью платья. Я вижу румянец на ее коже от танцев, и задумываюсь над тем, какова она на вкус, когда потеет. Если я лизну кожу между ее сочными грудями, будет ли она на вкус как невинность или как грех?

Член умоляет об освобождении, и я чувствую, как выступает капля предсемени. Аврора потерялась в танце и в музыке, поэтому я спокойно расстегиваю брюки и подолом рубашки прикрываю ширинку. Запускаю туда руку и издаю шипящий звук от контакта с пульсирующей длиной. Медленно поглаживаю член, наблюдая за движениями Авроры и фантазируя о том, как ее тело двигается поверх меня, а мой член скользит глубоко внутри ее мокрой киски.

Мои поглаживания становятся более жесткими и агрессивными с каждым движением ее бедер. Мне никогда не приходило в голову, что я буду дрочить, наблюдая за Авророй, а она не будет об этом догадываться. Единственное, что понимаю — я должен кончить прямо здесь. Прямо сейчас. И если я не могу сделать это в ее маленькой сладкой киске, то сделаю это в своей руке, пока буду смотреть на нее.

Я чувствую, как удовольствие растет, кипит внутри меня. Наблюдаю, как она в танце раздвигает ноги и опускается ниже, и это подводит меня к краю. Чувствую горячие липкие струи спермы в своих брюках, когда поддаюсь облегчению, и прикусываю губу, чтобы не закричать от яростного оргазма. Использую сперму, чтобы смазать руку, пока заканчиваю дрочить, выплескивая каждую каплю.

Некоторое время сижу и пытаюсь успокоить свое дыхание, наблюдая за Авророй; рука и внутренняя часть бедра в сперме. Чувствую, что мой член снова начинает твердеть, нуждаясь в ней вновь. Я знаю, моей руки не хватит, чтобы удовлетворить эту боль. Нет, моему члену нужны ее мягкие розовые губки, плотно обхватывающие его.

Я вытираю руку о рубашку, и убираю член в брюки. Привожу в порядок одежду настолько это возможно и встаю. Поправляю свой вновь твердеющий член и подхожу к краю сцены. В это мгновение песня заканчивается, и Аврора смеясь, крутится.

Боже, это самое красивое, что я когда-либо видел. Ее щеки покраснелись, и она выглядит так, будто кончила со мной. От этой мысли я едва сдерживаю стон.

Когда она видит меня, подпрыгивает от неожиданности и снова смеется.

— Привет. Я не знала, что вы здесь. Извините, я увлеклась танцем. Это великолепное место, — она осматривается, широко и ярко улыбаясь. — Не могу дождаться начать тренировки. И мне нравится, что нет зеркал.

Я убираю руку в карман брюк и незаметно поправляю свою эрекцию.

— Я так рад, что тебе нравится. Хочешь потанцевать еще, или готова к ужину?

Она прикусывает губу, и я знаю ответ до того, как она говорит:

— Возможно, еще один танец?

— Думаю, это идеально, — говорю я, подмигивая ей, а затем возвращаюсь на свое место.

Она включает «Влюбляюсь» Алисии Киз. Звучит фортепиано, и Аврора начинает двигаться под ритм музыки.

Похоже, придется опять воспользоваться рукой.

Седьмая глава

Аврора

Я закрываю глаза, когда чувствую, что музыка омывает меня. Я уже вечность не наслаждалась танцами, как сейчас. Не имела возможности двигаться так, как хочу. Истощение или голод не давали мне покоя, отвлекая от того, что я должна делать. Теперь я не волнуюсь, что в любое время может войти мама и накричать на меня за то, что я сделала что-то не так. Еще больше мне нравится то, что Ноа наблюдает. Я чувствую, как он смотрит на меня. Интересно, о чем он думает? Нравится ли ему то, что он видит?

Я перестаю двигаться и откидываю голову, когда песня подходит к концу, но глаза оставляю закрытыми. Никогда раньше я не чувствовала себя такой свободной. И мне уже грустно, что еще один день моего пребывания здесь почти подошел к концу. На еще один день я ближе к тому дню, когда придется покинуть этот рай.

— Это было самое совершенное, что я когда-либо видел, — слышу я глубокий голос Ноа. Открываю глаза и вижу, что он стоит прямо передо мной, на его лице выражение, которое я не могу прочесть.

— Вам действительно нравится? Обычно моя мама...

— Это лучшее, что я когда-либо видел, — говорит он, прерывая меня. — Не могу представить, что будет, когда ты здесь начнешь еще больше цвести.

Я улыбаюсь. Прошла вечность с тех пор, как учитель говорил мне, что ему нравится придуманный мной танец, а не тот, который был поставлен для меня. От похвалы Ноа каждая часть моего тела еще больше оживает.

— Для этого я здесь? Вы должны научить меня этому? — спрашиваю я. Ноа не похож на инструктора или преподавателя, которые у меня были до этого. Он даже не похож на человека, который пойдет на балет. — Вы мой учитель, да?

Может, мы просто еще не начали тренироваться. Я здесь всего тридцать шесть часов.

Он протягивает руку и дергает бант, завязанный в моих волосах, освобождая их. Длинные темные волосы рассыпаются вдоль спины, и Ноа смотрит, как они ложатся глянцевыми волнами.

— Мне нравятся твои волосы, когда ты танцуешь, — говорит он, избегая моего вопроса — похоже, он делает так часто.

— Мне тоже. Но мама заставляет меня собирать их.

— Знаешь, мне не нравится то, что я слышал о твоей матери.

Я хочу сказать «Нас таких двое», но знаю, что он доложит ей об этом, поэтому сжимаю губы и молчу.

Он делает шаг ближе, пальцами играя с лентой, которая была в моих волосах. Другой рукой касается моей щеки, большим пальцем скользит по губам, и слабое воспоминание о том, как он прижался своими губами к моим, когда укладывал меня в постель, проносится в голове. Я не уверена, было ли это на самом деле или я всего лишь видела сон.

— Я научу тебя многому, Звездочка, — у него такое выражение лица, которое мне трудно понять. Его глаза кажутся еще темнее, чем я помню. Они контрастируют с мягкостью его прикосновений к моей щеке и губам. — А теперь, иди, освежись, и я покормлю тебя.

Вместо того чтобы сделать как он просит, я не двигаюсь. Мои ноги будто приросли к полу. Я не хочу уходить. Мне нравятся его прикосновения, хотя я не привыкла, чтобы кто-то трогал меня. Я подаюсь к нему, отклоняя голову назад. Он глубоко вздыхает и отступает. От этого движения Ноа я снова ощущаю одиночество, о котором на мгновение забыла. Я уже думала, что оно не последовало за мной сюда, на остров, но я ошиблась.

— Иди, или я никогда не накормлю тебя, — говорит он и отпускает меня. Я чувствую, как начинаю краснеть от того, что делаю. Смущение немного пугает. Зачем такому мужчине, как он, целовать меня? Возможно, он видит во мне маленькую девочку. Так всегда говорит мама.

Я поворачиваюсь и практически выбегаю из студии, направляясь в свою комнату. Слышу, как он произносит мое имя, и начинаю бежать быстрее. Когда добираюсь до своей комнаты, хочу запереть дверь, но обнаруживаю, что замка нет. Я бегу в ванную, когда слышу, как он снова зовет меня, но в этот раз он ближе.

На двери в ванную тоже нет замка. Какого черта?! Я бормочу проклятие и решаю включить душ, думая, что звук воды остановит его.

Но это не так.

Дверь ванной распахивается, Ноа стоит на пороге, на его лице гнев.

— Не убегай от меня, — выпаливает он, заставляя меня сделать шаг назад. От этого движения выражение его лица становится более мрачным.

— Простите, — бормочу я, опустив взгляд в пол. Мое смущение только растет. Мама совершенно права — мне стоит повзрослеть. Я даже не могу никому противостоять.

Закрываю глаза и чувствую, как Ноа снова касается моей щеки. Он наклоняет мою голову назад, чтобы у меня не было выбора, кроме как смотреть на него. Но я все равно не открываю глаз.

— Посмотри на меня, Звездочка, — его голос мягкий и не соответствует гневу, который я видела на его лице несколько секунд назад. Я открываю глаза и вижу лицо, на котором больше нет гнева.

— Я не хотел напугать тебя. Мне просто не нравится, когда ты убегаешь от меня, — говорит он мне. Он наклоняется, и я замираю, не уверенная в том, что он собирается делать. Но когда собираюсь прижаться к его губам своими, он оставляет нежный поцелуй на моем лбу. — Прими душ, а потом присоединяйся ко мне за ужином. Если хочешь, мы сможем потом посмотреть фильм.

— Звучит мило, — говорю я ему. На самом деле, это звучит более, чем мило.

— Я даже позволю тебе выбрать фильм, — добавляет он, вызывая у меня улыбку.

— Мы можем есть и смотреть кино? Я всегда хотела сделать это.

— Мы можем делать все, что ты хочешь.

Мне хочется сказать ему, что я хочу, чтобы он поцеловал меня, хочется спросить, действительно ли был ночной поцелуй, о котором я помнила, но просто киваю. Прежде чем повернуться и уйти, он снова целует меня в лоб. От его последнего заверения я смущена еще больше, чем раньше.

Восьмая глава

Ноа

Она заходит в комнату отдыха в светло-зеленой ночной сорочке. Треугольники ткани, прикрывающие ее грудь, соединены ленточкой, демонстрируя это совершенство самым непристойным образом. У нее небольшая грудь. Как и большинство танцовщиц, она высокая и худая. Но по тому, как облегает материал, я могу видеть, что ее грудь идеальна для меня.

Опустив взгляд ниже, я вижу, что сорочка доходит до середины бедра, демонстрируя длинные ноги. Ей стоит больше кушать. У нее тело, как у спортсмена, но она отказывала ему в том, чего оно заслуживает.

Аврора не стыдится своего тела и уверенно входит, улыбаясь мне. Я полулежу на откидном диване, передо мной поднос с едой. Она садится рядом и, скрестив ноги, откидывается назад.

Подол ее ночной сорочки приподнимается, и я едва подавляю стон.

— Есть одеяло, если тебе холодно, — предлагаю я, глядя на ее затвердевшие соски, а затем возвращаю взгляд к лицу.

— Я пока в порядке. Что мы будем есть?

Ее невинность опьяняет, и я не знаю, как долго смогу себя контролировать.

— Я попросил принести пиццу, начос и попкорн. Традиционные блюда для просмотра кино — уверен, у тебя никогда такого не было.

Она прикусывает губу и качает головой. Я вижу, как на ее лице появляется грусть, и затем она смотрит на меня.

— Нормально, что я постоянно столько ем? Я была настолько ограничена раньше и...

— Тебе стоит беспокоиться только о своем счастье. Поняла? — говорю я и вижу, как возбуждение снова озаряет ее глаза.

Она протягивает руку, берет кусочек пиццы и стонет после первого укуса. Мой член начинает пульсировать, когда я вижу, как она облизывает язычком губу. Блядь, я не смогу сдержаться.

— Что мы будем смотреть? — спрашивает она, берет газировку и делает глоток.

— Я же сказал, что позволю тебе выбрать. Есть идеи?

— Хм-м-м, — на секунду она задумывается, а потом на ее лице появляется улыбка. — У тебя есть «Фантазия»? Когда я была моложе, однажды танцевала под музыку из этого фильма. *(Примеч.: «Фантазия» (англ. Fantasia) — классический полнометражный музыкальный мультипликационный фильм, созданный компанией Уолта Диснея в 1940 году. Картина состоит из девяти номеров, музыка для которых исполнялась Филадельфийским оркестром под руководством Леопольда Стоковски. «Фантазия» стала одним из самых смелых экспериментов Уолта Диснея. В мультфильме был впервые использован стереофонический звук «ФантасOUND» (англ. Fantasound), а стиль картины тяготеет к абстракционизму и авангарду).*

Я смеюсь и киваю.

— Да, я поставлю его для тебя, — я нажимаю несколько кнопок на пульте, пока Аврора взволнованно устраивается.

Она ест и хихикает, пока я просматриваю меню и нахожу фильм, разговаривает о еде и том, что ей нравится. Мне нравится звук ее счастья и то, что следует вместе с этим. Видеть этот взгляд на ее лице, легкость ее шагов. Это как впервые увидеть цветок.

После того, как начинается фильм, она ставит поднос с едой перед нами. Теперь я замечаю, что она подвинулась ближе ко мне и прикрылась одеялом.

Как только начинает играть музыка, она опирается на меня, и я обнимаю ее. Наша поза настолько легка и естественна, будто мы делали это тысячи раз.

Аврора опускает руку на мой живот, и я чувствую, как член напрягается, в буквальном смысле приподнимаясь, будто пытается достать ее.

Идет фильм, но я не вижу ни единого кадра. Я наблюдаю за Авророй. Она настолько очарована тем, как танцуют персонажи и играет музыка. Но через час ее веки начинают опускаться, и она засыпает.

Я опускаю свою руку на ее, чувствуя мягкость под своей ладонью. Через мгновение она шевелится и спускает руку чуть ниже. Она всего в сантиметре от моего члена, и он будто знает это.

Я не двигаюсь, пока Аврора бормочет во сне, и, клянусь, я слышу свое имя. Затем она еще немного опускает свою руку, и теперь та покоится прямо на моей твердой длине. Жар волнами пульсирует под ее прикосновением, и я зажимаю глаза. Ей даже не надо двигать рукой, я и так чувствую, как быстро приближается оргазм.

Моя рука все еще поверх ее, так что я осторожно надавливаю на нее, удерживая на месте, вздыхаю и кончаю. Я наполняю свои боксеры липкой спермой, которую хочу видеть, капавшей из ее маленькой девственной киски.

Я знаю, что ее сладкая киска невинна. Ни единого шанса, что эта контролирующая сучка мамаша позволила бы члену находиться рядом с Авророй. Нет, этот теплый сладкий центр, который находится у нее между ног, только для меня.

Когда чувствую последнее освобождение, я осторожно снимаю руку Авроры со своей все еще твердой длины и опускаю на свою грудь. Когда она прижимается ближе, я чувствую, как близко находятся ее губы к моей шее, и мне нравится это. Потянувшись вниз, я подхватываю ее бедро и притягиваю к себе. Она лежит наполовину на мне, и я задаюсь вопросом, есть ли у нее под ночной сорочкой трусики. Я хочу, чтобы ее тело было обернуто вокруг меня, пока она спит. Это единственный способ почувствовать какое-то облегчение.

Кончать в штаны больше не помогает, но, по крайней мере, это один из способов скрыть неловкую походку. Эта Звездочка поймала меня в свою паутину. Но нет другого места, где я предпочел бы быть, и я просто надеюсь, что скоро она будет чувствовать то же самое.

Скоро я скажу ей правду, но я хочу, чтобы она забеременела до того, как это произойдет. Хочу, чтобы ее животик округлился и внутри него был мой ребенок. Хочу привязать ее к себе всеми возможными способами, прежде чем вскроется истина.

Однажды она увидит все, что я сделал для нее. Все, что сделал для нас. Однажды она будет моей во всех смыслах.

Я прижимаюсь лицом к ее волосам и притягиваю ближе к себе. Начинаю тереться членом о ее бедро и думаю, что, возможно, еще один раз не повредит.

Девятая глава

Аврора

Переворачиваюсь и обнаруживаю, что я снова в своей постели. Я даже не помню, как сюда попала, должно быть, Ноа принес меня. Прошлый вечер был замечательным. Не помню, когда последний раз так веселилась или чувствовала себя такой расслабленной.

Я также заметила, что две ночи, которые провела здесь, мне не пришлось танцевать до изнеможения, чтобы уснуть. Я улыбаюсь, когда вижу тарелку еды рядом с моей кроватью и записку. Беру ее и читаю:

Я помню, ты говорила о своем желании научиться готовить. Я поплыла на лодке на материк, чтобы купить тебе кулинарные книги и некоторые другие вещи. Элина.

Возможно, мне стоит спросить, что же здесь происходит, но у меня нет желания переживать об этом. Все, о чем я могу думать — найти Ноа. Прикусываю губу, вспоминая о том, как прижималась к нему, и он позволил мне. Я продолжала придвигаться все ближе и ближе, и он не пытался оттолкнуть меня. Думаю, я уснула, когда почти забралась на него. Лицо краснеет от воспоминаний. Я чувствовала, словно была дома и без труда растворялась в Ноа, наслаждаясь ощущением его рядом со мной.

Усаживаясь, я беру тарелку и начинаю быстро есть, не ощущая вкуса еды. Интересно, смогу ли я найти Ноа? Элина показала вчера, где его кабинет. Нужно придумать причину зайти к нему.

Поставив пустую тарелку на тумбочку, я спрыгиваю с кровати. Не хочу ждать, чтобы увидеть его. Чищу зубы и расчесываюсь, прежде чем покинуть спальню, но не переодеваю сорочку.

Направляюсь по коридору к двойным дверям, которые ведут в его кабинет. Элина не говорила, что мне нельзя заходить туда. На самом деле, она сказала, что мне разрешено ходить везде, но следует предупредить, если пойду на пляж.

Я иду по коридору, но останавливаюсь, когда слышу голоса. Одна из створок дверей в кабинет Ноа слегка приоткрыта. Я думаю повернуться и уйти, но слышу женский голос, и приближаюсь как можно тише к двери.

— Пришло время вернуться домой. Ты нужен нам, — говорит женщина. От ее слов мой живот скручивает в узел. У него где-то есть семья? Может, не на острове? Я закрываю глаза, чувствуя, будто кто-то ударил меня, и пытаюсь перевести дыхание. — Ты не можешь оставаться здесь и играть с этой девушкой, как с игрушкой. Ради всего святого, она выглядит так, будто едва перешагнула порог совершеннолетия. Ты разрушишь свою репутацию и карьеру.

— Когда я вообще заботился о своей репутации?

Я поворачиваюсь, не желая больше слушать, и прижимаю руку ко рту, чтобы удержать рыдания. Я иду в единственное место, куда ухожу, когда чувствую пустоту вокруг. В танцевальную студию.

Я останавливаюсь в дверях, когда вижу мужчину, убирающего помещение. Вытираю слезы с глаз. Возможно, мне стоит вернуться в свою комнату, но все же я вхожу в танцевальную студию.

— Вы не возражаете? — я указываю на проигрыватель, и он качает головой. Мне нужно танцевать. Я должна. Это единственное, что может оттолкнуть то, что чувствую. Мне нужно потеряться на несколько минут и отпустить боль.

Я не должна расстраиваться. Ноа не мой. Возможно, то, что он делал со мной, было потцовски, а я не знала ничего лучше. У меня никогда не было отца. Думаю, я увидела больше в его поведении, чем было на самом деле. Или я просто так сильно хотела этого. И снова я повела себя как маленькая девочка.

Я иду к стерео и включаю его, не заботясь о том, смотрит ли на меня уборщик. Я привыкла к этому. Черт возьми, я привыкла каждый вечер танцевать перед тысячами людей. Я смахиваю несколько слезинок, задержавшихся на щеках, и начинаю двигаться.

Слово «игрушка» снова и снова проносится у меня в голове, пока я позволяю своему телу двигаться под музыку. Эта женщина его жена? Вот для чего это место? Он все свои «игрушки» привозит на остров? Это я? Игрушка, с которой он играет?

«Да», — говорит мой разум. — *«Люди всегда используют тебя для того, чего хотят. Того, что они могут получить от тебя».*

Я двигаюсь быстрее, пытаюсь развеять свои мрачные мысли, но они продолжают атаковать меня. Впервые в жизни я не могу заставить их исчезнуть.

— Свали нахрен. Отсюда, — по студии разносится рычание, и я замираю.

Я поворачиваюсь к Ноа, который стоит в дверях студии, и мое сердце замирает. Он хочет, чтобы я ушла. Возможно, женщина победила, и он отправляет меня обратно.

— Хорошо, — шепчу я, направляясь к проигрывателю, и выключаю его.

— Я думал, что ясно дал понять всему мужскому персоналу не заходить сюда. Я хочу, чтобы все покинули остров. Сейчас же.

Повернувшись, я смотрю на Ноа, смущенная его словами, и вижу, что он говорит с мужчиной, который убирает студию. Мужчина кивает и практически выбегает из комнаты.

Ноа возвращает внимание ко мне и проводит рукой по волосам, будто пытаюсь успокоиться.

Я стою, не зная, что делать. Я не могу злиться на него, не так ли? Я хочу остаться здесь на целый год. Даже если он не может быть моим и принадлежит другой, я лучше буду тут, чем дома с мамой. По крайней мере, я попробую избегать его. Хотя не уверена, что его можно избегать.

— Звездочка, — рычит он, преодолевая расстояние между нами. — Ты не можешь позволять мужчинам видеть тебя в таком виде, — он поднимает руку и проводит пальцем по ткани моей ночной сорочки, нежно очерчивая контур моей груди.

Я осматриваю себя и понимаю, что не думала о том, во что одета.

— Но ты видишь меня в таком виде, — я дерзко приподнимаю подбородок. Почему его волнует, видят ли меня мужчины? У него есть жена. Как я думаю.

— Да, я вижу тебя такой, — соглашается он, и я отступаю от него.

— Разве у тебя нет работы или чего-то еще, что надо делать? Может, ты займешься этим, а я буду танцевать для тех, кого хочу?

На его губах появляется улыбка, но я все еще вижу гнев в его глазах.

— Посмотри на себя. Не прошло и сорока восьми часов, как ты здесь, и ты уже расцвела. То, что ты пытаешься спрятать, выходит наружу. Давай посмотрим, что еще я смогу сделать, чтобы выпустить остальное, — говорит он, прежде чем схватить меня и притянуть к себе.

Десятая глава

Ноа

Наши тела крепко прижаты друг к другу.

— Ты не осознаешь этого, Звездочка, но ты дразнишься, — я потираюсь членом между ее едва прикрытыми ногами и чувствую, как она сильнее прижимается к моему твердому стволу. — Что бы ты сделала, если бы я положил тебя на пол и вылизал твою маленькую киску?

Ее прерывистое дыхание говорит о том, что я шокировал ее, но в глазах нет признаков страха. Единственное, что я вижу — желание. Вопиющую потребность во внимании, ласке и освобождении.

— Тебя когда-нибудь целовали там? — спрашиваю я, наклоняясь, чтобы почувствовать вздох, слетевший с ее губ. — Мужские губы касались твоей симпатичной щелки?

— Н-нет, — Аврора смотрит на мои губы, а потом снова в глаза. — Меня никогда не целовали. Нигде.

— Я знаю. Все мужчины это понимают, когда на тебя смотрят. Вот почему они все хотят взглянуть на тебя. Тот мужчина, что был здесь, был таким же твердым, как и я. Он мог видеть, какая ты тугая, представляя свои ощущения, пока его член будет скользить в твоей киске, — я опускаю руки по ее спине и сжимаю ладонями попку, теснее прижимая к своему члену. — Ты словно размахиваешь красным флагом и просто ждешь, когда бык придет и возьмет это. Не так ли?

Она прикусывает губу и кивает.

— Держу пари, ты пришла сюда без трусиков, умоляя кого-нибудь посмотреть на тебя. Танцуя и задирая ночную сорочку, показывая только намек того, что у тебя между ног, — я наклоняюсь и провожу языком по ее нижней губе. — Ты хотела, чтобы это был я? Хотела нагнуться и раздвинуть ножки, надеясь, чтобы я взглянул? Чтобы я, увидев твою девственную щелку, не смог себя контролировать?

— Да, — отвечает Аврора низким голосом. Она непроизвольно двигается напротив меня, ищет трения.

— Я расскажу тебе секрет, Звездочка, — я запускаю руку под ее ночную сорочку и сжимаю ее голую попку. — Я это сделаю.

Она стонет, и я наклоняюсь, захватывая ее рот и дегустируя язык. Она обвивает руками мою шею и цепляется за меня, когда я оборачиваю ее ноги вокруг своей талии. Я хочу отнести ее в кровать, но это займет время. Поэтому я опускаюсь на колени вместе с ней и кладу на пол.

Приподнявшись, я разрываю посередине ее сорочку. Ее длинное, худое тело обнажается передо мной, и я опускаюсь сверху, накрывая наготу Авроры своим весом, опираясь на руки по обе стороны от ее лица. Она обнимает меня за талию и раскрывает для меня ноги.

— Я хочу тебя, Звездочка. С той самой секунды, как увидел тебя, я понял, что ты должна быть моей.

Она потирается своими бедрами о мои и краснеет.

— Что-то в тебе заставляет меня чувствовать себя цельной. Я никогда не чувствовала себя так раньше.

— Я постараюсь, чтобы ты ощущала себя цельной, и обо всем позабочусь, — я снова целую ее. Хотел бы я притормозить, но этот поезд не остановить.

Я снимаю с себя одежду, пока целую каждый участок ее кожи, до которого могу дотянуться. Перехожу к ее груди, и ощущаю какие тугие от потребности эти розовые бутоны. Я засасываю один в рот, вбирая как можно больше ее плоти, а затем перехожу к другому, облизывая и посасывая, пока Аврора не начинает просить о большем. Я сжимаю один, а затем перехожу к другому, потом повторяю свои действия, мучая девственные соски.

С ними никогда так не обращались, и они настолько чувствительны, что от каждого прикосновения Аврора выгибает спину.

Я сдвигаюсь ниже между ее раздвинутых ног, прижимаю нос к ее киске и вдыхаю. Мягкие завитки влажные от желания, а аромат такой насыщенный и теплый. У меня текут слюни от запаха, мне просто необходимо попробовать ее.

— Посмотри на свой неповторимый маленький цветочек, — говорю я, а затем слегка дую на это сладкое местечко, наблюдая, как она раздвигает ноги шире. — Держу пари, ты вкуснее, чем любой нектар на земле.

Я наклоняюсь и прижимаюсь носом к ее складочкам, дразня ее и себя.

— Ты так хотела показать это всем, кто пожелает посмотреть. Но ты больше никогда не сделаешь этого, Аврора, ты поняла?

Мой голос суровый, и она тут же кивает.

— Никогда. Обещаю.

— Только для меня, — рычу я.

Она вращает бедрами, соблазняя меня тем, что я хочу больше всего.

— Только для тебя.

Я не могу больше ждать и прижимаюсь ртом к ее киске. Вкус настолько хорош, что я не могу не закрыть глаза, и издаю стон. Толкаю два пальца в ее щелку, чувствуя, насколько она тугая.

На секунду Аврора напрягается, но затем тает и растекается, словно лужа на полу, пока я продолжаю вкушать ее. Я лижу ее клитор и одновременно проникаю пальцами внутрь. Массирую, пытаюсь найти точку G, и улыбаюсь, когда Аврора выгибается на полу и выкрикивает мое имя.

— Вот так, Звездочка. Пусть они услышат тебя на материке.

Она кричит от нужды, когда я уделяю клитору все внимание, которое он жаждет получить, и даже больше. Я убеждаюсь, что на ней нет места, которое я бы не попробовал. Даже ее тугую розовую заднюю дырочку. Аврора напрягается, когда я раздвигаю ее ягодицы, но стонет от удовольствия, ощутив мой дразнящий язык.

Моя милая, невинная танцовщица — развратная девочка.

К тому времени, как я возвращаюсь к клитору, она почти кричит, желая освобождения.

— Пожалуйста, Ноа. Пожалуйста. Я умираю.

— Нет, пока ты не окажешься на моем члене, — говорю я и снимаю свои боксеры. — В первый раз ты кончишь на мне. Отметишь меня, пока я буду помечать тебя.

— Все что угодно, — умоляет она и тянется дрожащими руками между нами, направляя мой член к своему входу. — Ты нужен мне.

Я скольжу по ее мокрым складочкам и погружаюсь по самые яйца, поглаживая ее набухший клитор. Аврора кричит и напрягается, преодолевая небольшой укол боли, но я чувствую, как она двигает бедрами, пытаюсь найти облегчение.

— Вот и все, Аврора. Ты так близко.

Ее тело покрыто потом и покраснелось от нужды. Я смотрю вниз, пока вонзаюсь в нее, ощущая, как она почти до боли сжимает мой член. Ее тело такое тугое, но она хочет, чтобы был в ней. Она хочет кончить от моего толстого члена.

— Боже. Я не могу. Это слишком, — Аврора закрывает глаза, и я продолжаю тереть ее клитор, пока размеренно трахаю, двигаясь туда и обратно.

Все ее тело напрягается, она сжимает мои руки и кричит от освобождения. Киска сжимается вокруг моего члена, и у меня нет выбора, кроме как кончить внутри нее. Я в любом случае не планировал выходить, и то, с какой силой она сжала меня, сделало это невозможным.

Теплая сперма наполняет ее, и я чувствую, как она распространяется по моему члену. Следы наших оргазмов смешиваются, и немного даже стекает по моему все еще твердому члену.

Я нежно потираю ее клитор, пока она пытается отдышаться и успокоить сердцебиение. Наша взаимная похоть безумна, и теперь, когда мы оба удовлетворены, я хочу отнести ее в более удобное место.

— Иди сюда, Звездочка. Позволь мне отнести тебя в постель, — говорю я, нежно целуя ее губы. Аврора почти спит, когда я поднимаю и несу ее в комнату. Нашу комнату.

И как только укладываю ее на прохладные простыни, снова вхожу в нее своим твердым членом.

Одиннадцатая глава

Аврора

Я просыпаюсь от тепла, окружающего меня, запах Ноа наполняет мои легкие. Немного света, проникающего в окна, дает мне знать, что солнце уже садится. Мы занимались любовью весь день, и в перерывах я спала.

Я переворачиваюсь, чтобы взглянуть на Ноа — мужчину, которого совсем не знаю. Но я позволила себе затеряться в нем на целый день, отдавая ему все. Я никогда не чувствовала с кем-либо такой связи. Все одиночество, что испытывала в своей жизни, смыло его прикосновение. Он поклонялся моему телу, и я начала думать, что принадлежу ему. Казалось, что он не может без меня.

Его лицо кажется спокойнее, чем обычно. Напряженность в его теле растворилась. Вспоминая все, что мы делали, я закрываю глаза и делаю глубокий вдох, пытаюсь понять свое состояние.

Открыв глаза, сажусь на край кровати и пытаюсь упорядочить мысли. Я все еще не могу поверить, что это произошло. Смотрю через плечо на мужчину, которого хочу больше всего на свете. Но не могу забыть произошедшее в его кабинете, до того, как он пришел за мной в студию. Слова, что я слышала. Не знаю, как я так легко потерялась в моменте, что позволила этим словам выскользнуть из головы. Может, потому, что не хотела в это верить. Я хотела, чтобы он был одинок.

Я встаю с кровати, иду в гардеробную, нахожу ночную сорочку и надеваю ее. По мере того, как я передвигаюсь по комнате, а потом и в коридоре, ощущаю сладкую боль, которая появилась после часов, проведенных с ним в постели.

Он говорил со мной так, как никто и никогда — о том, что я хотела, чтобы люди смотрели на меня, что я жаждала его внимания. Я не осознавала, насколько он прав, пока слова не сорвались с его губ.

Я жаждала внимания. Сначала от мамы, думая, что ей понравится, как хорошо я танцую, и она меня похвалит. Что захочет быть рядом со мной, полюбит меня. Когда я не получила этого, я постаралась стать лучшей в танцевальном классе, чтобы получить всеобщее одобрение. Ноа был прав. Я жаждала внимания. Но теперь единственное внимание, которое я хотела — его, и оно не принадлежало мне. У меня есть здесь только год. Если есть.

Кто знает, что произойдет, когда он проснется, и мы столкнемся с тем, что сделали сегодня. Он все еще будет смотреть на меня так же, как делал это, когда брал снова и снова? Будто не мог насытиться мной. Будто не мог проникнуть в меня достаточно глубоко, чтобы утолить желание.

Или я просто игрушка, как и сказала женщина, которую я слышала? Просто одна из многих. Насколько я поняла, он каждый год обучает новую девушку. Если действительно обучает. На самом деле, я не слышала, чтобы он говорил об учебе, только сказал делать то, что захочу. Чем больше я об этом думаю, тем больше осознаю, что даже не знаю, разбирается ли он вообще в преподавании.

В доме полнейшая тишина. Я точно знаю, куда направляюсь — единственное место, где я знаю, Ноа проводит все свое время. Его кабинет. Пока иду, понимаю, что не помню, чтобы Элина показывала его спальню.

Добираюсь до массивных черных дверей, поворачиваю ручку, и они открываются. Я задыхаюсь от того, насколько тут красиво. Гигантский черный стол стоит перед тремя панорамными окнами с видом на океан. По обеим сторонам справа и слева на стенах висят плоские экраны. Кому нужно столько телевизоров? Я подхожу с одной из полок рядом с телевизорами и вижу ряд дисков с моим именем на коробках. Я беру один из них и вижу дату, написанную на обложке. Начинаю вытаскивать все больше и больше, и вижу, что они датированы каждым днем последних двух месяцев.

— Какого черта?..

Я беру один диск и иду к телевизорам, с намерением включить один. Нажимаю кнопку, а загораются все сразу. Экраны заполнены изображениями с камер безопасности, показывая каждый уголок дома. Один экран показывает пространство возле моей спальни, но большинство других с разных углов демонстрируют танцевальную студию.

Поворачиваюсь к другой стене и вижу видео, на которых я танцую. Мое изображение на всех экранах. Я отбрасываю диск, не знаю, что со всем этим делать. Меня начинает трясти.

— Звездочка, мне не нравится, когда ты покидаешь нашу постель, пока я все еще в ней.

Я поворачиваюсь, чтобы посмотреть на Ноа — он стоит в дверях, на нем только боксеры и больше ничего. Он смотрит на меня, будто не видит то, что вижу я. Может, он не замечает, потому что привык к этому.

— Что это? Это... — я запинаюсь, пытаюсь понять, зачем ему все это. — Ты смотришь на меня, чтобы научить танцевать лучше или что-то такое? Как футболисты, которые пересматривают свои игры?

Наконец, будто только что заметив телевизоры, Ноа поворачивает голову, чтобы посмотреть на них.

— Нет, Звездочка. Это для того, чтобы я мог дышать, — нежно говорит он, приближаясь ко мне. Я делаю шаг назад, и он прищуривается. — Что я говорил тебе о том, чтобы ты не сбегала от меня?

Я не хочу убегать. Действительно не хочу.

— Скажи мне, что происходит.

— Возвращайся в постель. Я приготовлю что-нибудь поесть, и мы будем лежать вместе смотреть кино. Ты выбираешь, — он притягивает меня к себе, и я растворяюсь в нем. Мое тело делает все, чтобы угодить ему, хотя разум пытается бунтовать. В итоге, сердце и тело выигрывают сражение.

— Ты всегда так делаешь, — бормочу я.

— Как, Звездочка? — он искренне смущен и смотрит на меня сверху вниз.

— Не отвечаешь на мои вопросы. Просто говоришь что-нибудь другое.

— Прости, я просто пытаюсь...

На этот раз я прерываю его.

— Все нормально. Я привыкла к этому. Для меня это не ново. Я знаю, как делать то, что мне сказано, — говорю я, освобождаюсь из его объятий и направляюсь в свою комнату.

Двенадцатая глава

Ноа

Я поворачиваюсь и одним движением руки скидываю все со стола. Бумаги, файлы и все остальное с грохотом сваливается на пол.

Аврора поворачивается и от испуга прижимает ладони ко рту. Я тянусь и хватаю ее за руку, поднимаю и укладываю на стол.

Берусь за переднюю часть ее сорочки и разрываю, открывая ее обнаженное тело.

— Ноа! — кричит она, когда я стягиваю боксеры, и мой твердый член указывает прямо на ее киску.

— Сколько раз я должен говорить тебе, чтобы ты перестала убегать от меня?

Я раздвигаю ее ноги, облизываю пальцы и провожу ими вверх и вниз по ее киске. Хочу убедиться, что она влажная, но она уже готова. Аврора истекает липким соком от того, что мы уже сделали сегодня. Но пришло время для кое-чего другого.

— Ты любишь бросать мне вызов, — говорю я, притягивая ее попку к краю стола и врываясь в ее тугое лоно одним толчком. Она снова выкрикивает мое имя, но в этот раз это стон. — Ты любишь наблюдать, как я теряю контроль. Ты хочешь заставить меня реагировать. Я вижу это.

Грудь Авроры колыхается в такт моим движениям, пока я толкаюсь в нее, а ее тугая щелка сжимает меня.

— Схватись за стол, — рычу я. Она поднимает руки над головой и делает то, что я говорю. — Этого ты хочешь? Быть оттраханной в моем кабинете, пока окружена своими же изображениями?

— Да, — выдыхает она, и приподнимает бедра.

— Тебе нравится это. Ощущать мой член глубоко в своей сладкой маленькой киске, пока я говорю тебе, как тяжело мне терпеть. Как сильно ты нужна мне. Насколько я тверд для тебя каждый раз, когда получаю хотя бы намек на то, что у тебя между ног. Ты так жаждешь этого.

— Да, — снова стонет Аврора и шире разводит ноги.

— Каждый раз при виде тебя мой член встает по стойке смирно, но этого недостаточно. Я должен кончать в тебя каждые десять минут. Как я могу хотеть тебя еще больше? После всего, что я сделал, чтобы заполучить тебя?

— Еще, Ноа. Больше...

Она закрывает глаза и откидывает голову назад, когда я даю ей то, что она хочет.

— Я дам тебе больше. Но я хочу большего и от тебя.

Удерживаю себя внутри, желая снова наполнить ее. Незащищенная киска Авроры покрыта моим семенем, и я рычу, когда снова кончаю, чтобы заполнить ее и оплодотворить.

Глядя вниз, я вижу, что покрыт ее соками, и она готова кончить. Я вытаскиваю член, и Аврора хнычет, желая, чтобы я снова вошел в нее.

— Ш-ш-ш, — говорю я, раздвигая шире ее ноги и открывая ее милую розовую анальную дырочку. Я нажимаю на нее кончиком своего покрытого спермой члена, размазывая ее, как смазку. — Ты отдашь мне все местечки своего тела, куда я могу тебя трахнуть. Потому что я хочу владеть всей тобой, Аврора.

Я смотрю в ее голубые глаза, когда проникаю в ее тугое колечко. Она напрягается, и я опускаю руку, чтобы потереть ее напряженный клитор.

— Ты научишься любить это, Звездочка. Тебе так понравится, что ты будешь наклоняться и дразнить меня попкой. Как ты делаешь это со своей маленькой невинной киской. Но я не буду брать тебя сюда все время, — говорю я, продвигаясь на несколько сантиметров глубже. — Это будет твое особое удовольствие, когда ты нарвешься настолько, что не будет другого способа успокоить тебя, кроме как взять в попку.

— О боже, Ноа.

— Я всегда буду трахать твою киску, но когда ты будешь вести себя, как сейчас, я буду приводить тебя в этот кабинет и обращаться с тобой вот так, — я толкаюсь на всю длину и чувствую, как мои яйца прижимаются к ее попке. — Вот так, Звездочка. С первой попытки мой член глубоко в твоей попке, по самые яйца. Ты такая хорошая девочка.

— Я близко, — шепчет Аврора, когда я медленными движениями потираю ее клитор.

— Чувствуешь себя хорошо, не так ли? Ты связана со мной, и я удерживаю всю власть. Ты привлекла мое внимание, и я говорю, насколько ты особенная. Этого ты хочешь, да? Хочешь похвалы?

— Да, — ее глаза плотно закрыты, и я вижу, как ее тело начинает дрожать.

Я медленно вхожу и выхожу из ее попки, позволяя почувствовать скольжение моего чертовски твердого члена.

— С тобой так хорошо. Я тверже, чем когда-либо, и это все из-за тебя. Тебя так легко трахать.

Ее тело напрягается, когда приближается оргазм.

— Тебя так легко любить, Аврора.

Я наклоняюсь и захватываю ее губы поцелуем, пока трахаю в попку, и она кончает так сильно, что ее тело трясется. Она кричит мое имя, пока я потираю ее клитор, продлевая оргазм. Ее попка настолько тугая, так похожа на девственную киску, и я не могу сдержаться себя.

Я снова наполняю ее, но на этот раз не выхожу. Оборачиваю ее ноги и руки вокруг себя и выхожу из кабинета.

— Пойдем, примем душ, и я помою тебя, — говорю я, целую ее шею и посасываю так сильно, что оставляю отметину.

Она пищит в знак протеста, но я шлепаю ее по попке.

— Я говорил, что отмечу тебя везде.

— Моя попа болит, — говорит она, а затем смеется.

— Похоже, тебе не нравится, что мой член в твоей попке, Звездочка. Но не переживай. Я поцелую, чтобы облегчить боль.

Тринадцатая глава

Аврора

Я просыпаюсь от утреннего солнца, льющегося в окно. Переворачиваюсь и вижу тарелки с нашего ужина, все еще стоящие на полу возле кровати. Я была в полудреме, когда Ноа разбудил меня прошлым вечером и заставил поесть, а потом снова отключилась, когда он вылизывал меня между ног. Похоже, это история нашей жизни. Я хочу узнать что-то, и Ноа занимается любовью или отвлекает меня, пока я не отключаюсь. Он что-то скрывает, и мне нужно смириться с этим, даже если я не хочу. Я влюбляюсь в него. Или, возможно, уже влюбилась. И я не совсем уверена, что хочу этого.

Мне нравится, что он заставляет меня чувствовать. Впервые в жизни я чувствую себя живой. Эмоции, которые были спрятаны где-то глубоко внутри меня, выходят на поверхность. Он разбудил меня, и чем больше будет раскрывать меня, тем больше будет падать, когда я узнаю, что здесь на самом деле происходит. Я не хочу разрушать эту идеальную иллюзию, но понимаю, что все не так, как кажется.

Поднявшись с кровати, я вижу одну из рубашек Ноа на полу, поднимаю и накидываю ее на себя. Интересно, где Элина. На самом деле, я никого не видела с тех пор, как Ноа взял меня на полу в танцевальной студии. Остров кажется пустынным.

Нужно найти Ноа, мне необходимо получить ответы. Я ощущаю, что между нами нечто большее. Чувствую это. Не могу поверить, что секс для всех такой. Это невозможно. В том, что мы разделяем, ощущается нечто намного большее, и такое должно быть раз в жизни. Кажется, он знает самые глубокие темные мысли в моей голове и вытаскивает их на свет. Мысли и желания, которые я никогда не озвучивала, он воплощает в жизнь. Он видит мою темную сторону, которую я пытаюсь спрятать, но от него ничего не ускользает.

Иду к нему в кабинет, и меня поражает дежавю. Я снова слышу женский голос, и в животе образуется тугой узел. Останавливаюсь на мгновение, не зная, что делать. Затем гнев начинает побеждать, а ревность побуждает к действию. Мной достаточно помыкали за всю мою жизнь. Пришло время, наконец-то, постоять за себя. Я распахиваю двери его кабинета, позволяя им открыться и удариться о стены. Женщина подсакивает, а Ноа встает из-за стола. В его кабинете все еще беспорядок. Предметы так и лежат по полу — они разлетелись, когда он скинул их, чтобы заняться со мной любовью.

Я смотрю на женщину лет тридцати. Светлые волосы обрамляют ее лицо, она симпатичная. Нет, она более чем симпатичная. Будто сошла с обложки журнала. Уставившись на меня, она прищуривает ярко-зеленые глаза. Она — полная моя противоположность.

— Уходи, — рычит Ноа, и я перевожу взгляд на него. Его взгляд прикован к женщине. Я вижу на его лице гнев. — Появишься здесь снова, и у тебя будут еще большие проблемы, чем уже есть сейчас.

Я снова смотрю на женщину, и думаю, она хочет что-то сказать, но качает головой и выходит из кабинета, оставляя нас одних. Ноа наклоняется, поднимает с пола телефон и нажимает несколько кнопок.

— Убедись, что она покинет остров и никогда не вернется, — это все, что он говорит, прежде чем снова бросить телефон на пол.

Ноа делает глубокий вдох, и я вижу, что он пытается успокоить свой гнев.

— Это твоя жена? — слова срываются с моих губ, и я молюсь, чтобы это было не так. Если он женат, то у нас была интрижка, и не важно, если они расстались. И мне не понравилось, что он только что выгнал женщину, которую когда-то любил, даже если они не были вместе долгое время.

— Иди сюда, — тихо говорит он. На мгновение я замираю, но мои ноги будто сами по себе следуют его приказу, и я иду к нему. Гнев на его лице исчезает, когда он поднимает меня за бедра и усаживает на свой стол.

— Я никогда не был женат, — признается он. — Никогда не был влюблен до этого.

— Ноа, пожалуйста, — я хочу больше. Мне нужно больше.

В моей голове слишком много вопросов, и я думаю, он только что признался, что любит меня. Часть меня не хочет знать ответов, потому что я знаю, что что-то не так. Думаю, именно поэтому я позволяю ему взять вверх и больше не настаиваю на ответах. Я теряюсь в нем, потому что знаю — что-то приближается. Идеальный мир, в который я попала, скоро рухнет. Хорошее не может длиться вечно.

Он прижимается своим лбом к моему.

— Дело не в том, что я не хочу рассказывать тебе, Звездочка. Я хочу дать тебе все, что ты когда-либо хотела, и даже больше.

— Я не понимаю.

Я оборачиваю руки вокруг его шеи, нуждаясь в прикосновениях к нему. Ноа крепче сжимает ладонями мои бедра и поднимает меня. Я оборачиваю ноги вокруг его талии, и он выходит из кабинета, направляясь по коридору. Он возвращается в нашу спальню и опускается на кровать, продолжая удерживать меня в своих объятиях.

— Анна работает на меня. *Работала* на меня, — поправляет он сам себя. — Она хотела, чтобы я вернулся в офис в Нью-Йорке, но я не планирую уезжать туда, где нет тебя, — он крепче обхватывает меня, будто я могу исчезнуть. — Между Анной и мной ничего нет, и никогда не было. Она убежденный трудоголик. До тебя мне было все равно, потому что я был таким же. Она хорошо справлялась с работой моего помощника, но теперь я на острове. С тобой.

— Ты не преподаватель танцев, не так ли?

Я всматриваюсь в его темные глаза. Он наклоняется и, прежде чем ответить, захватывает мои губы в медленном и нежном поцелуе.

— Единственный танец, который я знаю — твой.

— Я игрушка для тебя? — спрашиваю я, вспоминая ранее сказанные Анной слова. Я не хочу быть чьей-то игрушкой. Не хочу быть для кого-то тем, чем он будет хвастаться, а потом пренебрегать и обижать, когда я перестану быть такой блестящей или новой, как всегда делала мама.

Он освобождает мои бедра от захвата и нежно обхватывает мое лицо ладонями.

— Нет, Аврора. Ты — мое все. Я привез тебя сюда, чтобы ты расцвела. Чтобы наблюдать за тем, как ты становишься той женщиной, которой хочешь быть. Свободной.

— Я свободна? — я отстраняюсь, глядя ему в глаза. — Или я просто сменила одну клетку на другую?

— Если ты хочешь покинуть остров, мы уедем, — он улыбается и гладит меня по щеке. — Ты свободна идти, куда захочешь.

Мое сердце болит от мысли покинуть остров.

Что-то вспыхивает в его глазах, и я вижу темное обещание.

— Но ты никогда не будешь свободна от меня.

Четырнадцатая глава

Ноа

— Мне нужно рассказать тебе правду о том, как ты оказалась здесь, Аврора.

Она кивает, и я вижу на ее лице беспокойство.

— Я пробовал традиционный способ добраться до тебя, — я улыбаюсь, вспоминая свои отчаянные попытки. — После того, как я впервые увидел тебя на сцене, все было кончено. Один взгляд на тебя, и мне конец.

Ее черты смягчаются, и я чувствую, как она поглаживает ладонями мою грудь.

— Я посылаю цветы на каждое твоё выступление. Но узнал, что твоя мама перехватывала их. Я пытался прокрасться за кулисы, но после цветов она поговорила с директором, и они ужесточили охрану, — я качаю головой, вспоминая, как невозможно было мимо нее пробраться. — В конце концов, я понял, что если смогу подобраться к тебе ближе, она каким-то образом удержит меня вдали от тебя. Так что я придумал этот сложный способ заполучить тебя. Год в одиночестве в уединенном месте, чтобы ты все время была со мной. Чтобы ты влюбилась в меня.

— Ноа, я...

— Чтобы убедиться, что ты никогда меня не оставишь, — говорю я.

Потянувшись вниз, я поглаживаю низ ее живота, а затем смотрю в глаза.

— Любой ценой.

Ее щеки краснеют, и она прикусывает губу.

— Мы ни разу не использовали защиту.

— Я знаю. Возможно, в тебе растёт мой ребенок. По крайней мере, я на это надеюсь. Я хочу, чтобы ты как можно скорее забеременела.

— Но почему? Зачем ты сделал все это для меня? — в голосе Авроры нет страха, только надежда.

— Потому что ты моя единственная. Я люблю тебя, Аврора, и никогда не позволю тебе уйти.

— Я тоже люблю тебя, Ноа. Не знаю, как это могло произойти так быстро, но я никогда не чувствовала такого раньше.

Я вижу это в ее глазах, когда она цепляется за меня. Обнимаю Аврору, и переворачиваю нас так, чтобы она лежала на кровати, а я нависал над ней.

— Навсегда, Аврора. Не имеет значения, где мы живем и что делаем. Ты моя навсегда.

— Твоя, — отвечает она, и я, наклонившись, прижимаю свои губы к ее сладким губам.

Потянувшись вниз, я снимаю рубашку, которая на ней надета, а потом избавляюсь и от своей одежды.

— Мне нужно, чтобы ты была голой, — бормочу я, когда смотрю на влажную щелку между ее ног. — И ты нуждаешься в моем внимании.

Я опускаюсь на колени между ее бедер и прижимаюсь лицом к ее киске.

— Ноа, — стонет она, и я чувствую ее руки в своих волосах.

— Держу пари, ты так ревновала, когда увидела меня с другой женщиной. Ты хотела войти и сесть на мой стол, не так ли? Раздвинуть свои ножки и показать ей, как я реагирую, когда вижу твою маленькую сладкую щелку? Держу пари, тебе бы понравилось, как она разозлилась.

— О боже.

— У тебя было бы такое самодовольное выражение на лице, когда я упал бы на колени перед тобой. Когда поедал бы эту спелую киску прямо перед ней, не беспокоясь, что в комнате кто-то есть, полностью сосредоточенный на тебе.

Я посасываю ее клитор и чувствую, как она дрожит, когда проталкиваю два пальца в ее тугую киску и один в попку.

— Я бы поклонялся между твоих ног, пока ты царствовала, Звездочка. Ты — королева моего мира, и ничего не имеет значения, когда дело касается тебя.

Аврора так близка к оргазму, и я уверен, она кончит в любой момент.

— Теперь я полностью твой, и никто не сможет забрать тебя у меня. Даже твоя мамочка.

Она сжимается вокруг меня, ее тело выгибается над кроватью, и она кричит мое имя в экстазе. Волны удовольствия проходят через ее тело, когда я пробегаюсь языком по ее клитору, дразню ее и слизываю сладкий нектар. Я хочу каждую каплю ее освобождения, прежде чем войду в нее своим членом.

Когда думаю, что с нее достаточно, я вытаскиваю из нее пальцы и облизываю их, постанывая от ее вкуса.

— Блядь, на вкус ты как конфетка.

Переворачиваю Аврору на живот и приподнимаю ее попку. Скольжу членом глубоко в ее киску и опускаюсь на нее, придавливая своим весом. Я прижимаюсь губами к ее уху и шепчу, пока двигаюсь в ней:

— Когда ты родишь моего ребенка, твои груди набухнут от молока. Я собираюсь сосать и пробовать твою сладость и там.

Аврора дрожит и приподнимает бедра, желая принять меня еще глубже.

— Ты проснешься набухшей и нуждающейся в освобождении. Сначала я буду лизать твою киску, пока ты не кончишь. Это сделает твоё молоко сладким. Затем я буду сосать твои соски, пока оно не побежит по моему подбородку. Ты будешь ласкать мой член и позволишь мне кончить в твою руку, чтобы потом втереть мою сперму между твоих ног. Это поможет исцелить твою киску после рождения нашего ребенка.

Хлюпанье ее мокрой щелки кажется таким неприличным в тихой комнате, и я посмеиваюсь.

— Боже, ты так чертовски возбуждена. Тебе нравится идея, что я сделаю тебя беременной. Ты получишь столько внимания от меня. Ото всех. Разве это не будет так хорошо, Звездочка? Ты будешь центром вселенной. Но всегда сначала моя.

— Я собираюсь кончить, — стонет она, напрягаясь всем телом.

— Конечно, собираешься. Ты такая красивая и идеальная. Давай, Аврора.

Она цепляется за простыни, когда я жестко толкаюсь в нее последний раз и тоже кончаю. Ее оргазм такой сильный, она плотно закрывает глаза, когда сжимает мой член мышцами, будто тисками. Я пульсирую внутри нее, отдавая все, что у меня есть. Как и буду делать всю нашу жизнь.

— Я люблю тебя, — шепчу я, переворачивая нас и заключая ее в свои крепкие объятия.

— М-м-м, — это все, что она может произнести, прежде чем снова засыпает.

Я прикусываю губу, чтобы сдержать улыбку. Не могу дождаться, чтобы провести остаток своей жизни именно так.

Пятнадцатая глава

Аврора

Я смотрю на дом своего детства и чувствую, что печаль и одиночество больше не посещают меня. Ноа оборачивает руки вокруг меня, притягивая ближе к себе.

— Мы не должны делать этого, если ты не хочешь, — говорит он мне, что и делал в течение последних нескольких дней. Я сказала ему, что хочу увидеть свою маму, и знаю, что он беспокоится.

Я взрослый человек. Я не должна говорить с ней, если не хочу. Я могу больше никогда не встречаться с ней, и она никогда не узнает, что со мной произошло, но я хочу покончить с этим. Мне нужно это. Я опускаю руку к своему округлившемуся животу, к нашей малышке. Наша маленькая девочка никогда не узнает такую маму, какая была у меня. Она даже не узнает свою бабушку.

— Я не хочу, чтобы она начала искать меня. И думаю, в какой-то момент она начала бы это делать. Она считает, что я принадлежу ей, — напоминаю я Ноа и чувствую, как он напрягается от моих слов. Ему не нравится, что кто-то думает, что я принадлежу им.

Я хочу вернуться на свой остров, но если буду ждать момента, когда она начнет искать меня, к тому времени у меня на руках уже будет новорожденный ребенок. Я не хочу, чтобы хоть какая-то часть ее касалась новой жизни, что мы с Ноа создали. Обо всем этом нужно позаботиться до того, как наша прекрасная, идеальная девочка войдет в этот мир. Я прослежу, чтобы мама никогда не дышала тем же воздухом, что и наша малышка. В отличие от моей матери, я пройду через огонь, чтобы дать моей маленькой девочке самую счастливую жизнь.

Я улыбаюсь своему мужу, обожая то, какой он собственник и ревнивец. Мне это нравится. Никто никогда не обращался со мной так, будто я все для них. Что они не могут дышать без меня.

— Мы все знаем, что я только твоя, — я легонько толкаю его локтем, и он стонет, будто я действительно причинила ему боль, от чего я закатываю глаза.

Ноа опускает ладонь на мой круглый животик, будто успокаивая себя, напоминая, что я настоящая.

— Давай покончим с этим. Я хочу, чтобы ты вернулась домой, в нашу кровать.

Я делаю глубокий вдох и тянусь к звонку, нажимая на него. Раздается звон, и одна из домработниц моей матери открывает дверь. При виде меня, ее глаза округляются и почти выскакивают из орбит, когда она видит мой живот. Она отступает в сторону и впускает нас. Ноа не отпускает меня из своих объятий.

— Я приведу ее, — говорит домработница, практически выбегая из комнаты.

— Ты ничего не хочешь забрать отсюда? — он осматривается и переводит взгляд к лестнице. Я качаю головой. Не хочу ничего забирать отсюда. В мире нет ничего, что Ноа не дал бы мне.

Я напрягаюсь, когда мама входит в комнату. Она выглядит так, будто собиралась на мероприятие: разодета, и не выглядит на свой возраст. Мама всегда была такой красивой снаружи, но я не могла понять, что же сделало ее такой уродливой внутри.

— Аврора? — неуверенно произносит она мое имя.

— Мама.

Ее взгляд практически дикий, когда она осматривает меня и делает шаг ближе.

— Стойте там, — коротко говорит Ноа твердым голосом.

Я знаю, что он злится, но держит себя в руках. За эти месяцы он много узнал о моей жизни с ней и о том, как со мной обращались. Он помог мне понять, насколько ужасна моя мать, поэтому я больше не задавалась вопросом, почему недостаточно хороша для нее. Ноа научил меня, что это не моя вина. Для человека, подобного моей матери, никогда и ничего не

будет достаточно хорошо. Как бы я ни старалась, что бы я ни делала, ничего не изменило бы ее отношения.

Мама переводит взгляд на Ноа и пристально смотрит на него. Затем, повернувшись, смотрит на меня. Она видит мой живот и кольцо на пальце с гигантским бриллиантом, которое надел Ноа вскоре после того, как рассказал обо всем, что сделал, чтобы заполучить меня.

— Я знаю тебя. Ты мужчина, который был одержим ею! Я знаю о тебе все. Я навела о тебе справки. Ты разнюхивал вокруг, и я...

— Отослали ее, думая, что моя одержимость ею изменится? И вы не ошиблись. Она действительно изменилась. Моя одержимость превратилась в полную привязанность.

— Аврора, иди сюда, — рывкает мама тоном, который уже давно не имеет надо мной власти.

— Я пришла попрощаться. Не хочу, чтобы ты искала меня, — мягко говорю я. Мне нужно это сделать. Я хотела попрощаться лицом к лицу, чтобы она знала, насколько я серьезна. И не важно, что она собирается сказать или сделать.

Она указывает на Ноа пальцем.

— Я буду судиться с тобой. Я заплатила, чтобы она училась. Я заплатила...

Ноа снова прерывает ее:

— И вы не дали ей ни цента из тех денег, что она заработала на своих выступлениях. На вашем месте, я бы не стал выдвигать обвинения. Вряд ли вам хочется, чтобы мир узнал, как вы действительно относились к своей дочери, не так ли?

Мама открывает рот, однако Ноа обрывает ее:

— Я так не думаю. Я намного могущественнее вас, и превращу вашу жизнь в ад, если вы еще раз попытаетесь навредить Авроре, — слова Ноа не оставляют простора для возражения. Я вижу, что мама настолько злится, что начинает дрожать. — Не испытывайте меня. Я сделал бы все это, но не собираюсь, потому что Аврора попросила оставить вас в покое. А я дам ей все, о чем она попросит. Если только... — он позволяет угрозе повиснуть в воздухе.

— Хорошо, — я слышу поражение в ее голосе.

— Прощай, мама, — говорю я и поворачиваюсь, чтобы уйти.

Услышав, как она тихо произносит мое имя, я останавливаюсь. Я не оборачиваюсь, просто жду, есть ли ей что сказать, прежде чем я уйду навсегда.

— Не жди от меня ни цента. Если сейчас уйдешь, то будешь мертва для меня.

Я позволяю раствориться последней надежде, что еще теплилась, и киваю, не оборачиваясь. Я чувствую сильную руку Ноа, которой он обнимает меня, и когда иду к машине, ощущаю, как рушится не только надежда на отношения с матерью, но и ее вес, грузом свисающий с шеи. Я никогда не понимала, какое несла бремя. Теперь, когда оно исчезло, появилось чувство, что я могу без сожалений двигаться вперед.

Когда мы добираемся до машины, Ноа открывает дверь, помогая мне сесть в лимузин.

Я устраиваюсь внутри, и Элина опускает разделительное стекло.

— Домой? — с улыбкой спрашивает она.

Боже, я люблю ее. Она была для меня большей мамой, чем моя собственная, и я знаю, что она будет замечательной бабушкой для наших детей.

— Домой, — говорю я, откидываясь назад в объятия Ноа.

— Готова снова быть похищенной? — шепчет он мне на ухо.

— Думаю, в этот раз я хочу бодрствовать во время поездки, — улыбаюсь я, чувствуя, как он скользит ладонью по моему бедру.

Эпилог

Аврора

Пять лет спустя...

— Посмотри на них. Они так взволнованы! — говорю я, не уступая в эмоциях детям.

Это рождественское утро, и Ноа с трудом удерживает меня на коленях, пока две наши малышки играют со своими новыми игрушками, разбросанными на полу. Входит Элина с подносом горячего шоколада и печенья. На дереве мерцают огоньки, и все мы невероятно счастливы.

— Конечно, они взволнованы. У них есть куча игрушек и еще большее количество сладкого.

Я смеюсь и ерзаю на коленях Ноа. Своей большой ладонью он ласкает мой живот, и я ощущаю, как чувство комфорта и покоя омывает меня.

Обе наши девочки такие милые. Матильде пять, а Опал три. И мальчики-близнецы рождаются со дня на день. Ноа спросил меня, готова ли я остановиться после этой беременности, но думаю, что, может быть, еще разок. Я пока не готова отказаться от рождения детей.

Я та мама, которой хотела быть для своих малышей. Знаю, иногда мое терпение бывает на пределе, и я всегда чувствую себя виноватой, когда тайком пробираюсь вздремнуть, но, думаю, так себя чувствуют большинство мам. Мне повезло, что у меня есть Ноа и Элина, но еще у меня есть друзья.

Мы переехали на материк, когда Матильде исполнился год, потому что я хотела, чтобы она общалась с другими детьми. Я познакомилась с другими мамами и поняла, что никто не идеален. Возможно, я не идеальна, когда дело касается воспитания детей, но я поняла, что большинство родителей чувствуют себя так же, как и я — постоянно в беспокойстве, но наполнены огромной любовью, которая до этого казалась невозможной.

Ноа подтолкнул меня открыть свою собственную танцевальную студию, чтобы преподавать в начальных классах для детей. Сначала я не была уверена, но он знал, как сильно я скучала по танцам. Преподавание занимает всего несколько вечеров в неделю, но видеть свет в глазах детей — это того стоит. Я забыла волшебство, которое приходит с изучением движений и возможностью выразить себя. Именно этого мне не хватало и, конечно, Ноа знал это. Сейчас я очень счастлива, и все мои мечты сбылись. Даже те, о которых я не знала.

Теперь мы приезжаем на остров на праздники и проводим время в уединении. Проводить Рождество здесь — наше любимое занятие, потому что кажется, будто наша семья находится в огромном пузыре, где только мы, и это связывает нашу семью крепкими узами.

— Посмотри, что я нашел, — говорит Ноа, целуя мою шею.

Взглянув вверх и увидев, что он держит надо мной ому, я поворачиваюсь у него на коленях.

— Это та ому, что висела сегодня утром над нашей кроватью?

— Она висела прямо у тебя между ног. Что я должен был делать? — улыбается он, как кот, который объелся сливок. Именно это он и сделал в первую очередь сегодня утром — с удовольствием вылизал меня.

— Ты изо всех сил стараешься, чтобы эти малыши родились сегодня, не так ли?

Большой ладонью он потирает мой живот, и я чувствую, как его эрекция прижимается к моей попе.

— Это единственный подарок, который я хочу.

Мой срок только через две недели, но доктор сказал, что с близнецами я могу родить раньше. Ноа так взволнован, что это слишком очаровательно.

— Ты знаешь, если бы я могла это контролировать, то сделала бы это. И, думаю, если бы ты мог сделать так, чтобы воды отошли, сегодня утром это произошло бы, — я краснею, когда вспоминаю, как глубоко он был. — На самом деле, мне довольно больно от твоих попыток.

— Бедная Звездочка, — говорит он, незаметно запуская руку под мой халатик и ощупывая меня между ног.

Он накрывает ладонью мои половые губки, и я стараюсь подавить стон.

— Ноа. Дети увидят, — бормочу я, когда он целует меня.

— Тс-с-с. Они заняты с... — он замолкает на полуслове, его глаза округляются от удивления, шока, а затем и волнения. — Аврора?

— Или я только что пописала на тебя, или мои воды отошли, — говорю я, ощущая, как между моих ног просачивается влага.

— Мальчики рождаются! — кричит Ноа, и все начинают двигаться.

Элина вызывает лодку, чтобы доставить нас на материк, а девочки прыгают вокруг, такие же взволнованные, как и Ноа.

Я уже делала это дважды, так что не нервничаю. Грозно смотрю на Ноа.

— Что? — со смехом говорит он, когда хватает мою сумку и надевает обувь.

— Ты всегда получаешь то, что хочешь? — спрашиваю я, ощущая, как живот стягивает, когда приходит небольшая схватка.

Ноа поднимает меня на руки и выходит из дома, и все следуют за нами.

— Когда это касается тебя и моей семьи, все просто. Да.

Его ответ такой самодовольный, но я знаю, что он прав.

— Теперь давайте сделаем это Рождество лучшим, — объявляет он, и все радуются.

Второй эпилог

Ноа

Десять лет спустя...

Я сижу, откинувшись на спинку кожаного кресла. Холодная кожа трещит, когда я сжимаю руками подлокотники и сосредотачиваюсь на сцене.

Аврора в центре, облаченная в нечто невинное и милое. Это ночная сорочка персикового цвета, которая ниспадает и облегает изгибы ее бедер. Она шелковая с глубоким вырезом, отчего ее твердые соски выглядят аппетитнее.

— Танцуй, — отрезаю я, наблюдая, как Аврора покачивает бедрами, когда идет к проигрывателю и включает его.

Мои губы растягиваются в улыбке, когда начинает играть «Давай начнем» Марвина Гэя.

Мы на острове на выходных, пока дети на материке с Элиной. Сегодня я уже трижды трахнул Аврору, но хочу еще и в студии. Где все началось.

Я расстегиваю джинсы и вытаскиваю член, когда она начинает двигаться. Теперь я не пытаюсь скрыть, что дрочу, пока она танцует. Она наблюдает за мной, облизывает губы и низко наклоняется, показывая свою щелку.

Ее тело изменилось после того, как она родила моих детей, и это так чертовски горячо. Грудь стала больше, как и бедра. У нее длинные ноги, но бедра стали полнее, и мне нравится держаться за них, когда мы занимаемся любовью.

Каждый изгиб тела Авроры рассказывает историю нашего счастья, и наблюдать за ее расцветом и превращением в женщину, которой она стала, было привилегией моей жизни.

— Иди сюда, — рычу я, продолжая ласкать член размеренными движениями вверх и вниз. Он каменно-твердый, и от нужды уже выступила капля предсемени.

Аврора соблазнительно улыбается и вместо того, чтобы идти, как я велел, опускается на колени и ползет небольшое расстояние между нами.

— Блядь, — я издаю стон и на секунду закрываю глаза. От одного этого вида можно запросто кончить.

— Хочешь мой рот? — спрашивает она, наблюдая за мной из-под ресниц. — Или что-то еще?

Одна ляпка ее шелковой сорочки падает с плеча, открывая одну из ее идеальных зрелых грудей.

— Рот. Затем киска. А затем попка.

Она наклоняется вперед, и я ощущаю жар и влажность ее языка вокруг моего члена.

— Черт возьми, — сквозь стиснутые зубы произношу я, опуская руки в ее волосы и удерживая неподвижно. — Твой рот доведет тебя до беды.

Аврора снова дразнит меня, наблюдая за моей реакцией. Она умоляет, и мы оба знаем об этом.

— Ты либо сосешь мой член, либо я трахну тебя в попку, — я крепко сжимаю ее волосы, и она стонет. Глядя вниз, я вижу, как она поглаживает себя между ног.

Легонько щелкнув языком по головке, она слизывает капельку спермы с моего члена, а затем подмигивает мне.

— Ах, так ты хочешь, — говорю я, притягивая ее к себе на колени, чтобы она оседлала меня. — Вставь мой член в свою попку.

Застонав, Аврора смазывает мой член пальцами, которые намокли в ее киске, потирает кончиком клитор, а потом проводит по мокрой щелке назад к тугому колечку. Она напрягается, а затем расслабляется, когда медленно скользит вниз.

Я дергаю верхнюю часть ее шелкового лифа, обнажая прекрасную грудь.

— Ты моя маленькая развратная Звездочка, не так ли, Аврора? Никто не подозревает, как сильно ты любишь, когда я трахаю тебя сюда.

Она робко улыбается мне, пока двигается вверх и вниз.

Я сжимаю ее бедра и откидываюсь назад.

— Нет никого и ничего, кроме тебя. Весь мой мир вращается вокруг тебя. Теперь объезди мой член и покажи, как сильно ты любишь мое внимание.

Я потираю ее клитор и наблюдаю, как она кончает.

Когда несу ее в душ и снова занимаюсь с ней любовью, я вспоминаю все годы, которые мы провели вместе. Время было благосклонно к нам, и я знаю, что так будет всегда. Когда вы находите свою любовь, которая сражается на вашей стороне, все будет хорошо.

Я нашел ее, когда впервые увидел Аврору, и сделал все, что должен был, чтобы заполучить мою Звездочку. Я никогда не сожалел о том, что сделал, потому что цель оправдывает средства.

С абсолютной уверенностью могу сказать, что она чувствует то же самое, потому что я провел с ней каждый день с тех пор, как сделал ее центром своего мира.

Наши чувства — это гораздо больше, чем просто привязанность.

*** КОНЕЦ ***